

ДЕТЕКТИВЫ ЭНН ГРЭНДЖЕР

В лучших традициях Агаты Кристи

ТЕНИ
ПРОШЛЫХ ГРЕХОВ

Кэмпбелл и Картер

Энн Грэнджер

Тени прошлых грехов

«Центрполиграф»

2012

Грэнджер Э.

Тени прошлых грехов / Э. Грэнджер — «Центрполиграф»,
2012 — (Кэмпбелл и Картер)

Всего-то и радостей осталось у одинокого старика Монти Бикерстафа, что пешком доковылять до города и купить бутылку виски. И в этот день он поступил точно так же, но, вернувшись в свой некогда красивый, а теперь обветшалый и запущенный особняк с одной мыслью – поскорее наполнить стакан любимым напитком, он с ужасом обнаружил на диване в гостиной труп неизвестного мужчины. К расследованию приступают инспектор Джессика Кемпбелл и ее шеф Иен Картер...

© Грэнджер Э., 2012

© Центрполиграф, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	28
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Энн Грэнджер

Тени прошлых грехов

Дорогие Тони и Пэт Дейви! Посвящаю эту книгу вам – в память о многочисленных совместных путешествиях и в предвкушении новых

Глава 1

Монти Бикерстаф шагал нетвердо, кренясь на один бок и размахивая руками. На ходу угрожающе позвякивала его покупка – бутылка в полиэтиленовом пакете с эмблемой магазина.

Стоило ему войти в винный отдел супермаркета, и остальных покупателей оттуда как ветром сдуло. Почти сразу же к Монти подошел молодой человек, младший администратор. Правда, начал он вежливо: «Чем я могу вам помочь, сэр?», но затем ясно дал понять, что присутствие Монти в магазине нежелательно.

– Вот ведь сопляк, а еще хамит! – бурчал Монти. – Я такой же покупатель, как и все прочие!

Так он и ответил младшему администратору. А потом администратору постарше, который поспешил на помощь коллеге, и охраннику магазина. Правда, этому парню он еще много чего сказал.

– Я подам на вас жалобу за незаконное задержание! – пригрозил Монти. – С чего вы взяли, что я собирался сбежать, не заплатив? Я ведь еще не вышел из торгового зала! Принцип презумпции невиновности гласит: «Человек не виновен, пока не доказано обратное». Пока я не покинул магазин, вы не вправе утверждать, что я не собирался оплатить купленный товар. Сейчас я как раз иду к кассе. Более того, – продолжал Монти, – даже если бы я вышел, не заплатив, вы все равно не имели бы права меня обыскивать! Вы не полицейский. Если хотите меня обыскать, вызывайте нормальных полицейских.

Охранник устало вздохнул:

– Я знаю законы!

– Но не так хорошо, как я, сынок, – возразил Монти.

– Да, Монти, я все понимаю. Сделайте милость, дайте нам передохнуть, а?

Сотрудники магазина обступили его и ждали, пока он расплатится. Молодая кассирша так и отпрянула, когда он протянул ей деньги, – так противно ей было к ним прикасаться. Как будто деньги, побывавшие в руке у Монти, стали заразными.

Выходя, он услышал, как девица громким шепотом спрашивает свою подругу, сидевшую за соседней кассой:

– Он что, никогда не моется?

– А ну, не толкайтесь! – приказал Монти охраннику. – Мне нужен пакет. Покупки положено складывать в пакеты, и магазин предоставляет их бесплатно... Точнее, цена пакета входит в стоимость купленного мною виски!

– В нашей торговой сети введены новые правила, – по глупости возразил младший администратор. – Теперь пакеты платные. Стоят они недорого, всего пять пенсов. Наше нововведение способствует охране окружающей среды...

– Это еще каким образом? – отрывисто спросил Монти.

– Люди покупают меньше пакетов, их производство сокращается... – Младший администратор – Монти он показался совсем юнцом, почти школьником – махнул рукой в сторону витринного окна. – Их ведь все равно потом выбрасывают!

– Откуда вы взяли, что я собираюсь выкинуть свой пакет? – спросил Монти и продолжал: – И потом, учтите: если эта бутылка выскользнет у меня из рук из-за того, что меня не снабдили подходящим полиэтиленовым пакетом, она разобьется, повсюду будут осколки, что еще более пагубно скажется на окружающей среде! – Он оскалился в улыбке, и обступившие его сотрудники магазина чуть ли не отпрыгнули. – Более того, если я, борясь за чистоту окружающей среды, начну подбирать осколки, я почти наверняка порежу руку...

– Джанетт, ради всего святого, дай ему пакет! – устало распорядился старший администратор.

Все вместе они выпроводили Монти из магазина и, выстроившись у дверей, смотрели ему вслед.

Монти отправился домой. Выбравшись из торгового центра, он прошел по деловой части города, миновал не самый фешенебельный жилой квартал, затем квартал почище, застроенный недавно небольшими коттеджиками, которые он про себя называл «крольчатниками», наконец, пролез в дыру в живой изгороди и очутился на окружной дороге, у автозаправочной станции. Он неторопливо проследовал мимо бензоколонок, человек, стоявший около нее, дружески помахал ему рукой, но Монти не ответил, как будто и не видел его. Он пошел через дорогу, не обращая внимания на поток машин. Он никак не реагировал на визг тормозов, рев клаксонов и ругань возмущенных водителей. Как всегда, когда он выбирался из города, на душе у него делалось легче. Вдоль обочины он дошел до поворота, откуда начинался последний кусок пути. Зажатая между живыми изгородями узкая проселочная дорога, на которую свернул Монти, называлась Канавой Тоби.

Сейчас уже никто не помнил, кто такой был Тоби, в честь которого называли проселочную дорогу. Канава Тоби существовала с незапамятных времен; краеведы отыскиали это название на карте местности восемнадцатого века. Дорога шла в гору. Чтобы попасть на окружную дорогу, жителям Канавы приходилось спускаться вниз. Во время сильных дождей вода неслась вниз бурным потоком; в том месте, где Канава Тоби выходила на шоссе, в особенно дождливые месяцы не просыхала огромная лужа. Автомобилисты, застигнутые врасплох, каждую зиму жаловались на лужу в муниципалитет.

Монти прошел дорожный указатель, который, как пьяный, кривился вправо. Два или три года назад в указатель врезался Пит Снеддон на тракторе. С тех пор он все больше клонился к земле; когда-нибудь совсем упадет.

– Я сам напишу в муниципалитет! – громко объявил Монти, обращаясь к лошади Гэри Колли, которая паслась на ближнем поле. Это поле, как и соседнее, принадлежало ему, но землю он не обрабатывал. Поля отгораживали его от внешнего мира, служа своего рода буфером. На соседнее поле Пит Снеддон время от времени выгонял попасистов своих овец. Монти считал, что этого вполне достаточно – его земля используется по назначению, а большего никто от него требовать не вправе. Так он и объяснял всем, кто пытался совать нос в его дела.

Лошадь тихо заржала, словно приветствуя друга, а может, наоборот, поднимая его на смех. В наши дни даже лошадям наверняка известно, что у муниципалитета имеются дела поважнее, чем Канава Тоби... и Монти.

Домой Монти добрался почти через час после того, как вышел из магазина. А ведь в былые времена он проделывал тот же путь за полчаса, а то и меньше. Артрит его совсем замучил. Теперь даже виски не притупляло боли в коленях. Он пробовал обращаться к врачу, но в последний раз медсестра в приемной, тощая девица в джинсах, с татуировкой на голом пупке, напустилась на него, как сегодня тот сопляк в супермаркете. Подумать только, она посмела обвинить его в том, что он распространяет инфекцию!

– Здесь приемная врача, милочка, – сообщил ей Монти. – У вас-то люди обычно и подхватывают что ни попадя!

Услышав его слова, другие пациенты поспешили отодвинуться – от греха подальше.

Все как сговорились – стараются держаться от Монти как можно дальше.

– Живи и давай жить другим! – произнес Монти вслух.

Увидев свой дом, он немного приободрился и протиснулся в старые кованые ворота. Петли совсем заржавели, поэтому ворота не закрывались до конца и не открывались во всю ширину. Их можно было лишь слегка приоткрыть, а проходить внутрь приходилось боком. Красивую резьбу девятнадцатого века оплетал вьюнок. За воротами начиналась заросшая бурьяном дорожка, ведущая к парадному крыльцу «Балаклавы», когда-то красивого особняка, выстроенного в неоготическом стиле. Кирпичная кладка постепенно осыпалась. На стене над самым парадным входом образовалась трещина, похожая на молнию; она шла до самой двери. Трещина словно раскалывала пополам геральдический щит, придуманный прапрадедом Монти как доказательство благородного происхождения – плод его фантазии.

На втором этаже «Балаклавы» Монти не был уже много лет. Больные колени не давали ему подниматься по лестнице. Кроме того, спальни на втором этаже пришли в такое запустение, что неприятно было на них смотреть. Он обитал на первом этаже. Для него одного места здесь вполне хватало. В бывшей гардеробной, примыкавшей к внушительному холлу, давно уже соорудили туалет; кроме того, на первом этаже имелись просторная гостиная, большая столовая с буфетной и кухня, откуда можно было выйти на заднее крыльцо. Рядом с кухней находилась еще одна комнатка, которую Монти называл «оружейной». Правда, спортивное оружие там больше не хранилось. Несколько лет назад его конфисковали полицейские, поскольку у Монти не было лицензии. Ружья принадлежали его отцу, и Монти было неприятно, что его лишили того, что он привык считать фамильным достоянием.

Теперь в бывшей оружейной Монти хранил пустые бутылки. Поскольку у него не было ни машины, ни иного средства передвижения, на котором можно было отвезти бутылки в пункт сдачи стеклотары, оружейная постепенно заполнилась под завязку.

Его предки жили в этом доме с тех пор, как построили его, то есть с конца пятидесятих годов девятнадцатого века. Столетие спустя, задолго до того, как Монти унаследовал усадьбу, дом начал постепенно разрушаться. В середине двадцатого века стало чрезвычайно трудно найти хорошую прислугу; уборщицы требовали за свои труды целое состояние. Примерно в то же время семейный бизнес перестал приносить прежний доход. Монти помнил, как им пришлось затянуть пояса. Отец и мать урезали расходы украдкой – и каждый по-своему. Так, отец, бывало, переливал дешевое вино в бутылки с дорогими этикетками; иногда для улучшения вкуса он добавлял в них немного портвейна. Мать тоже экономила на чем могла. Сколько Монти себя помнил, когда он приезжал домой на каникулы, он всегда питался какими-то остатками. Впрочем, и школьная кормежка была ненамного лучше. Став взрослым, Монти иногда думал о том, что вырос, питаясь почти исключительно какими-то объедками и остатками, которые вечно разогревали и сдабривали специями.

Обветшалые ситцевые простыни мать разрезала пополам и сшивала заново. Посередине всегда был шов, который натирал голую кожу на спине.

В доме всегда было холодно. Впрочем, по мнению Монти, холод его «закалил».

Он ковылял по пустому, гулкому коридору, не обращая внимания на то, что вся мебель покрыта толстым слоем пыли. Войдя в гостиную, он сразу направился к буфету, где хранил рюмки и стаканы. Открыл одну дверцу – ни одного чистого стакана. Открыл другую дверцу – то же самое. Не везет так не везет! Опять придется что-то мыть, а ведь в прошлый раз он мыл посуду всего три или четыре дня назад! Монти давно жил в полном одиночестве и полагал, что вполне достаточно мыть посуду раз в неделю.

С великой осторожностью поставив только что купленную бутылку на стол, Монти вздохнул и поплелся к двери, ведущей в коридор и на кухню. И вдруг он заметил, что в доме не один. У него гость – причем человек совершенно незнакомый.

Сначала Монти решил, что у него просто разыгралось воображение. Посторонние люди являлись к нему крайне редко. Последний раз после Нового года приехала тетка, назвавшаяся сотрудницей социального отдела из муниципалитета. Из ее объяснений Монти понял: какой-то любитель совать нос в чужие дела нажаловался на него местным властям. Мол, пожилой джентльмен, у которого не все в порядке с головой, живет совсем один в нищете в неотапливаемом доме. Ну, если честно, тетка из муниципалитета не сказала, что у него «не все в порядке с головой». Она выразилась так:

– Похоже, у нас небольшой беспорядок?

– Вот не знал, что сегодня сама королева явится ко мне с визитом, – съязвил в ответ Монти. – Вы, насколько я понимаю, уподобляете себя ее величеству? Иначе зачем говорить о себе во множественном числе – «у нас беспорядок»? Позвольте вам заметить, милочка, раз вы считаете себя королевой, с головой не все в порядке у вас, а не у меня.

– Как же вы живете здесь совсем один? – воскликнула тетка из муниципалитета. – Дом огромный, а в нем даже нет центрального отопления!

– Мне нравится жить одному! – загремел Монти на незадачливую гостью. – Да, мадам, вы правы лишь в одном: я живу один! Повторяю, с головой у меня все в полном порядке. Кстати, моя жизнь вас совершенно не касается, как и мой способ ведения хозяйства. Мне мой дом нравится. Отопление у меня есть: в гостиной красивый камин. Дрова, если надо, тоже под рукой. Я всегда могу нарубить веток в саду или разобрать старый сарай. Поскольку дрова мне ничего не стоят, я меньше плачу за электричество. Ну, а жить без газа я уже привык. На нашей улице несколько лет назад меняли газопровод и собирались перекопать мой сад, чтобы проложить новую трубу к дому. Я отказался, поэтому газопровод проложили у самой моей входной двери, – он ткнул гостью за плечо, – а меня отрезали. Каждый год я плачу огромные, просто непомерные налоги. И за что, спрашивается? Взамен я ничего не получаю... А теперь уходите!

Назойливая дама из муниципалитета ушла, оставив ему кипу брошюр о муниципальных программах помощи пожилым гражданам. Монти тут же побросал их в камин, где весело потрескивали остатки садового навеса.

С тех пор к нему почти никто не заходил. До сегодняшнего дня.

Сегодня к нему пожаловал еще кто-то. Монти страшно возмутился. Почему ему не дают пожить спокойно?

Хорошо, что незваный гость хотя бы не устроился как у себя дома, не занял старый шезлонг у стены, на котором спал сам Монти. Впрочем, это слабое утешение. Незнакомец развалился на старом диване, набитом конским волосом, – и даже, пожалуй, не развалился, а провалился у самого края, потому что подушки сильно просели.

Сначала Монти показалось, что незваный гость крепко спит. Еще раз внимательно осмотрев его, Монти убедился в том, что никогда его раньше не видел. Перед ним лежал крупный, довольно упитанный малый в коричневых вельветовых брюках, рубашке в синюю клетку с открытым воротом и бежевой кожаной куртке. Не молод, но и не так чтобы стар. И одет щеголевато.

– Вам что здесь надо, черт побери? – рявкнул Монти. – Это мой дом!

Незнакомец не ответил. Монти осторожно шагнул к дивану, стараясь не подходить слишком близко. Его передернуло, когда он заметил, что изо рта у незваного гостя вытекла струйка слюны; высохший след напоминал слизь, какую оставляют после себя улитки. Хуже того, он еще и обмочился: Монти заметил в паху влажное пятно, от которого шел характерный запах.

Монти наморщил нос:

– Перебрал, старина? Поверь мне, я все понимаю. И тем не менее тебе нельзя здесь оставаться.

Ответа не последовало. Монти шумно откашлялся и отрывисто приказал незваному гостю вставать. Тот продолжал крепко спать.

После того как возмущение победило осторожность, Монти нагнулся и дернул незнакомца за бежевый рукав – безуспешно. Фигура лежала неподвижно... Пожалуй, даже слишком неподвижно. После того как Монти чуть повернул его, усилился резкий запах мочи.

Монти негромко присвистнул. Посмотрел на дверь и с облегчением увидел, что она открыта и он может, если позволят колени, бежать. Потом он сообразил, что дверь в гостиную у него всегда открыта. Он никогда не закрывает внутренние двери, потому что потом пришлось бы снова их открывать. Но сегодня, когда он вернулся домой, дверь в гостиную почему-то была плотно закрыта. Пять минут назад он толкнул ее, чтобы войти сюда... Должно быть, ее закрыл тот тип, который разлегся на его диване. Или кто-нибудь еще – после того, как уложил типа на диван. У Монти зародилось подозрение, что у него в гостиной лежит покойник. Он присмотрелся. Точно, покойник! Грудь не поднимается и не опускается – он не дышит! Рубашка вся в засохшей слюне... и в остатках рвоты. Мерзость!

– Эй! – еще раз обратился он к незваному гостю, не особенно надеясь на ответ. Голос его гулким эхом отозвался от стен. – Вот ведь подлость какая! – пробормотал он, пятясь прочь. Дело принимало совсем иной оборот. В другой ситуации Монти растолкал бы его и приказал убираться ко всем чертям. Но трупу не прикажешь убираться. С другой стороны, нельзя и сделать вид, будто его здесь нет. Монти осторожно, бочком пробрался к двери мимо дивана и поспешил на кухню.

Там он кое-как сполоснул один из многих грязных стаканов, стоящих у раковины, и гораздо медленнее вернулся в гостиную.

Втайне – и вопреки всякой логике – он надеялся, что его гость исчезнет таким же загадочным образом, как и появился у него в доме. Но нет, тип в коричневой куртке по-прежнему лежал на диване. Монти направился к буфету и щедро плеснул в стакан виски. Потом он сел на стул лицом к трупу и стал соображать, что ему теперь делать.

Сначала у него мелькнула было мысль, что проще всего выволочь труп из дому и закопать в заросшем саду. Но помимо того, что колени уже давно не позволяли ему заниматься тяжелым физическим трудом, он понимал, что обязан сообщить о своей находке властям. Неужели возвращаться в город? Едва он подумал о долгом пути, колени ожгло острой болью. Нет, наверное, надо позвонить по дурацкому мобильному телефону, который он купил весной. К покупке его склонила юная Танзи, когда в последний раз навещала его. Объявилась у него так же неожиданно, как тот тип на диване; приехала в своей старой колыхающей и сразу напустилась на него.

– Как вам не стыдно, дядя Монти? – воскликнула она. – Как можно жить в такой помойке?

– Прекрасно можно, – проворчал Монти в ответ. – Чего тебе надо?

Он не очень разозлился, потому что благоволил девчонке. Просто он давно забыл, как полагается принимать гостей.

– Была тут по соседству и решила навестить вас. – Танзи озиравшись по сторонам с таким видом, словно с каждой минутой все больше жалела о своем решении. – Мама часто вас вспоминает, интересуется, как вы живете и что поделяетесь.

– Она сама-то как? – буркнул Монти, хотя на самом деле ему было наплевать на самочувствие Бриджет.

Хотя Танзи по привычке называла его «дядей», ее мать Бриджет доводилась ему троюродной или четвероюродной племянницей – точнее он не помнил. Во всяком случае, девичья фамилия Бриджет была Бикерстаф. Видимо, она считала, что кровное родство дает ей право вмешиваться в его жизнь.

– Твоя мать, – мрачно продолжал Монти, – и о себе-то позаботиться толком не может, зато вечно сует нос в мои дела! Уж как я ее ни оттачивал, она все равно не унимается.

Танзи широко улыбнулась в ответ.

– Ты – девочка славная, – ворчливо продолжал Монти. – Главное, не бери пример с матери, и все будет хорошо.

– Мама снова выходит замуж, – сообщила Танзи в ответ на его предыдущий вопрос.

– В который раз? – осведомился Монти.

– В четвертый, – ответила Танзи.

– Хочет неприятностей на свою голову, – буркнул Монти. – Понимаешь, о чем я? Ей бы давно пора понять, что мужей она выбирать не умеет!

Он помолчал и добавил:

– Мне вот тоже не повезло с женой. Наверное, это у нас фамильное.

Под конец Танзи завела разговор о том, что с Монти невозможно связаться. Монти испугался, что Бриджет изобрела новую тактику: нарочно подсылает к нему дочь. Но, чтобы угодить Танзи и частично оправдаться за свое негостеприимство, он решил пойти ей навстречу. Танзи отвезла его в город на своей старой колыхае. Они вместе пошли в магазин, где продавались мобильные телефоны, и Танзи довольно долго обсуждала с продавцом достоинства разных моделей. Нет, ее дяде не нужно ни фотографировать, ни заходить с телефона в электронную почту. Ему бы что-нибудь попроще. Монти уже достал деньги, а Танзи все продолжала щебетать. В конце концов они купили мобильный телефон и к нему какую-то штуку под названием «зарядник». Потом с него потребовали еще двадцать пять фунтов, объяснив, что у него «предоплатный тариф» и теперь эта сумма лежит у него на счете.

Телефоном Монти почти не пользовался. Он лежал у него на кухонном столе, подключенный к заряднику. Время от времени Монти брал его с собой на прогулки, клал в карман, когда выбирался в город. Правда, сегодня он оставил телефон дома.

Подойдя к столешнице, он столкнул на пол груды нераспечатанных писем, взял мобильник, набрал 999 и попросил соединить его с полицией.

– Пожалуйста, пришлите ко мне парочку ваших молодцов, – вежливо попросил он. – У меня на диване лежит покойник.

У него спросили имя и адрес; после паузы, в течение которой он слышал на заднем плане голоса, женщина-диспетчер осведомилась, точно ли он уверен в том, что у него дома мертвец.

Хотя ее вопрос показался Монти идиотским, он по-прежнему разговаривал вежливо.

– Совершенно уверен! Он не дышит.

– Может, у него сердечный приступ? Не вызвать ли к вам скорую? – затараторила диспетчер.

– Нет! – Монти начал терять терпение. Чиновники все одинаковые. Не слушают, что им говорят. – Пришлите пару констеблей или похоронщика с труповозкой... Выбирайте сами!

Диспетчер пообещала, что к нему кто-нибудь придет, но Монти не хотелось долго ждать.

– Я сегодня очень устал, – сообщил он. – У меня выдался трудный и крайне неприятный день. Короче говоря, мне совсем не нравится, что он очутился у меня в доме, так что шевелитесь, понятно?

Монти сунул мобильник в карман и, сообразив, что держит в другой руке стакан с виски, отпил большой глоток. Потом он осторожно вернулся в гостиную – посмотреть, как поживает незванный гость.

– Скоро за тобой приедут, – сообщил он.

Разумеется, ответа он не ожидал. Ему просто вдруг ужасно захотелось услышать человеческий голос – пусть даже и свой собственный. Но что-то похожее на ответ Монти все же получил, потому что покойник вдруг зевнул и открыл глаза.

Глава 2

От изумления и ужаса Монти выронил стакан. По комнате поплыл торфяной аромат виски – содержимое стакана тут же впиталось в вытертый ковер.

Зевок сопровождался щелчком; челюсть раскрылась так широко, что, казалось, больше уже невозможно. Потом покойник застыл, вытаращив остекленелые, мертвые глаза.

– И что же мне теперь делать? – пробормотал Монти. – Он застывает, должно быть, у него начинается трупное окоченение. Куда подевались полицейские, будь они неладны?

Должно быть, ему все же удалось убедить диспетчера, что дело серьезное, потому что довольно скоро рядом с домом остановилась машина. На заросшей бурьяном дорожке захрустели шаги.

– Парадная дверь открыта, – произнес мужской голос в холле. Очевидно, он обращался к своему спутнику. Потом говоривший крикнул: – Эй, есть кто-нибудь?

– Я здесь! – отозвался Монти.

Два констебля ввалились в гостиную.

– Вы вызывали полицию? – спросил один из них.

Второй подошел к дивану, склонился над незванным гостем и присвистнул:

– Кроме шуток, Трев, пассажир дал дуба.

После этого события начали развиваться с ужасающей скоростью.

Монти сидел и наблюдал, как они ходят туда-сюда. Спустя какое-то время в «Балаклаву» явился еще один полицейский, видимо старший по званию. За ним прикатил врач.

– Говорил же я, для врача уже поздновато, – буркнул Монти, вспомнив, как звонил по экстренному номеру. Потом он сообразил: наверное, полиции нужно получить официальное подтверждение того, что его незванный гость в самом деле перешел в мир иной.

Наконец, после того, как старший чин и доктор уехали, один из оставшихся констеблей вспомнил о хозяине дома и подошел к креслу, где сидел Монти. Еще раз спросил, является ли Монти домовладельцем и он ли сообщил о смерти. Монти раздраженно ответил «да» на оба вопроса.

– Я ведь вам уже говорил!

– Я просто уточняю, сэр. Скажите, мы с вами не могли бы перейти в другую комнату и там поговорить?

– Поговорить?! – изумился Монти. – Ради всего святого, о чем тут говорить?

– Нужно, чтобы вы рассказали, что случилось, – ответил констебль. – Тому джентльмену стало плохо? Он жил здесь с вами? – Молодой человек с сомнением оглядел покрытую пылью старую мебель и вытертые ковры на полу гостиной.

– Конечно нет! – отрезал Монти. – Он здесь не жил.

– В таком случае будьте добры, назовите его имя и адрес. Мы сообщим о его смерти ближайшим родственникам и коронеру. Вы кому-нибудь звонили, кроме нас?

– Его имя и адрес у меня спрашивать без толку, – ответил Монти. – Понятия не имею, кто он и как здесь очутился. Я вернулся домой и увидел его. Сначала я подумал, что он спит. Естественно, кроме вас, я никому не звонил. Кому, черт побери, мне было звонить?

Они с констеблем вышли на кухню, сели за стол, и констебль заставил его повторить то, что он только что сказал, а сам записывал его слова. Монти неодобрительно наблюдал за ним. Сплошная бюрократия! Двадцать раз спрашивают об одном и том же, а потом записывают.

– Скажите, сэр, вы прикасались к телу? – спросил констебль.

Монти изумленно воззрился на него:

– Чего ради?

– Ну, например, ради того, чтобы установить его личность. Может быть, вы видели его водительские права? Вы утверждаете, что видите его в первый раз. Наверное, вы удивились, когда нашли его на своем диване?

Монти нахмурился и, перед тем как ответить, задумался.

– Меня не очень-то волновало, кто он такой, – сказал он наконец. – Гораздо больше меня заботил вопрос, откуда он взялся и как мне от него избавиться. Мне все равно, кто он такой... был. Я его знать не знаю. Если бы у меня дома умер кто-нибудь знакомый, я бы, конечно, позвонил ему домой и передал его близким, чтобы приехали и забрали его. Но этого типа я не знаю, поэтому и позвонил вам.

Констебль вздохнул. В отдалении слышался визг тормозов; у ворот останавливались другие машины.

Вскоре в гостиной послышались новые голоса. Потом дверь кухни открылась, и Монти едва не закричал от ужаса: вошла его бывшая жена.

Покойник на диване – находка очень неприятная. Но сейчас Монти пережил настоящий удар. Он вытаращил глаза, а челюсть у него отвисла, совсем как у мертвеца на диване. Он почувствовал, как кровь отливает от лица. Закружилась голова...

– Только этого не хватало! – буркнул он себе под нос. Неужели сегодня ему суждено повсюду наткаться на покойников? Сначала один жмурик в гостиной, а теперь на кухню влетает привидение...

– Что с вами? – участливо спросил констебль, кладя руку на плечо Монти.

– Ничего, – громко ответил Монти. – Этого не может быть, и вам все показалось.

– Сэр, к сожалению, в соседней комнате лежит труп. Вам не показалось.

Монти раздраженно отмахнулся, надеясь, что колебание воздуха прогонит фигуру, стоящую на пороге.

Вот уже лет десять, как Пенни ушла от него. А четыре года назад она и вовсе ушла из жизни... Тогда к нему приезжала Бриджет. Она сообщила ему о смерти Пенни и спросила, пойдет ли он на похороны. Конечно нет, ответил он тогда. Бриджет обвинила его в черствости и довольно сурово заметила: даже бывшая жена заслуживает, чтобы ей отдали последний долг. Но Пенни бросила его, потому что он был эгоистом, дураком, упрямым, не желавшим мириться. Во всяком случае, тогда дело зашло слишком далеко и изменить что-либо было уже невозможно. Глядя на ее гроб, он думал только об одном – о собственных недостатках. Поэтому Монти и ответил Бриджет: о том, чтобы он поехал на похороны, и речи быть не может. Ему не позволят колени. Расстались они не по-хорошему, как пелось в песне, «и дружба врозь». Правда, он ссорился с Бриджет не в первый и уж точно не в последний раз. Бриджет может действовать только напролом, и ничто не способно сбить ее с курса. Монти ее прекрасно знал. Стоит уступить ей хоть в малости, и она снова начнет вмешиваться в его жизнь.

Теперь здравый смысл подсказывал ему, что перед ним не призрак, а живая молодая женщина, правда до странности похожая на его бывшую жену. У него где-то есть свадебная фотография, на которой Пенни выглядит точь-в-точь как эта девица. Правда, после того, как Пенни от него ушла, он спрятал все фотографии, а после ее смерти сжег их. Конечно, на фото Пенни была в свадебном платье, а девица щеголяла в том, что сильно смахивало на мужской костюм, – брюки в полоску и такой же пиджак. Но если не считать одежды – вылитая Пенни в молодости: роста чуть выше среднего, хрупкого телосложения, но жилистая, похожая на терьера. Коротко стриженные волосы темно-рыжие, заостренный подбородок. В широко расставленных серых глазах светится ум. Под пиджаком мужского покроя Монти разглядел яркую – на его взгляд, пожалуй, даже слишком яркую – коричневатую-желтую рубашку с широким воротником. Благодаря рубашке, рыжим волосам и стрижке «паж» она была похожа на духа осени. Монти пожалел, что у него под рукой нет карандаша и бумаги; он бы непременно зарисовал ее. Много воды

утекло с тех пор, как он делал наброски или рисовал. В прежние времена он иногда рисовал Пенни, но тогда они были молоды – много лет назад.

– Вы кто такая? – робко спросил Монти, уступая нелепому любопытству.

– Инспектор Джессика Кемпбелл, – представилась девица и, обернувшись к констеблю, добавила: – Вы свободны. С ним поговорю я.

Констебль встал, не скрывая облегчения, и оставил их одних.

– Вам нехорошо? – Девица, похожая на Пенни, озабоченно склонилась над ним. Неужели она в самом деле инспектор полиции? – Хотите чаю? – продолжала она.

Монти с трудом взял себя в руки.

– Спасибо, я чувствую себя так, как и положено в подобных обстоятельствах, – ответил он. – Чаю я не хочу. Я бы пропустил еще стаканчик виски.

– Сколько стаканчиков вы уже пропустили? – спросила она, становясь еще больше похожа на его бывшую жену.

– Всего один, – ответил Монти, как в прошлом много раз отвечал Пенни. – И почти все пролил, когда чертов покойник вдруг зевнул. – Он махнул рукой в сторону открытой двери; вдали виднелся диван вместе с его жутким обитателем.

– Представляю, какое вы пережили потрясение, – сказала инспектор Кемпбелл. – Но по-моему, чай будет вам полезнее.

Не только потрясение, но и множество других непредвиденных и необъяснимых обстоятельств заставили его взорваться.

– Не хочу я чаю! – закричал Монти. – Дьявол меня побери, почему всю жизнь меня окружают женщины, которые лучше меня знают, что мне нужно? Мне нужно виски! – Он бросил на нее испепеляющий взгляд.

В ответ инспектор Кемпбелл добродушно кивнула:

– Что ж, по-моему, вы неплохо справляетесь.

Гнев Монти улетучился так же быстро, как и пришел.

– Простите, не сдержался, – извинился он. – Но ведь немного виски мне не повредит, верно?

– Верно, мистер Бикерстаф. Думаю, немного виски вам не повредит.

Через несколько минут, после того как Монти принесли виски, она начала задавать вопросы. Чего и ждать от полицейских? Монти велел себе держаться.

– Мистер Бикерстаф, вы живете здесь совсем один?

– Да... Кстати, можете называть меня Монти, – сказал он. – По-другому ко мне никто не обращается.

Инспектор Кемпбелл улыбнулась.

– Монти, вы не могли бы сегодня переночевать где-нибудь в другом месте? Может быть, у вас где-нибудь неподалеку живут родственники?

– Почему мне нельзя остаться здесь, в собственном доме? – спросил он.

– Едва ли вам захочется оставаться здесь сегодня одному после... того, что случилось. – Инспектор кивком указала на гостиную. Тут Монти сообразил, что его шезлонг, в котором он устроил себе постель, стоит совсем рядом с диваном. Инспектор, похожая на Пенни, права. Сегодня ему совсем не хочется ночевать дома. – Нет ли у вас поблизости друзей, знакомых? – продолжала инспектор Кемпбелл.

– Нет, – буркнул Монти. – Нет у меня никаких друзей.

– Если хотите, мы снимем вам номер в отеле, – предложила она.

Монти презрительно фыркнул:

– Сначала попробуйте найти такой отель, в который меня пустят!

Судя по выражению ее лица, его аргумент показался ей вполне веским. Правда, вслух она сказала:

– Насколько я понимаю, вы не знакомы с покойным. Так вы сказали констеблям, когда они к вам приехали.

– Никогда его раньше не видел, – подтвердил Монти.

– Он появился, пока вас не было дома?

– Ну да, я выходил... в город. Я хожу в город почти каждый день.

– Сколько же времени вы отсутствовали? – спросила она.

Время почти ничего не значило для Монти. Он посмотрел на инспектора исподлобья и ответил:

– Не знаю я. Часа три, четыре... Перекусил в пабе – колбасу с картофельным пюре – и еще немного посидел там, почитал газету. Паб называется «Роза и корона». Владелец всегда выкладывает на стойку пару газет, если кому вдруг захочется почитать. Конечно, ничего серьезного у них не найти. Ни «Телеграф», ни «Таймс». Обычно в их газетах больше картинок, чем текста, но все лучше, чем ничего, а газеты у них бесплатные. Потом я ходил за покупками. Можете справиться в супермаркете. Там меня все знают. Они подтвердят, что я там был. То же самое – в «Розе и короне». – Монти нахмурился. – И почти сразу, как пришел домой, наверное через несколько минут, я его увидел.

– Когда вы отправлялись в город за покупками, в доме никого не было? Как он попал внутрь?

Монти пожал плечами:

– Через парадную дверь, наверное.

– Как он ее открыл?

– Дверь у меня плохо закрывается, – объяснил Монти. – Дерево разбухло. Конечно, ночью, перед тем как лечь спать, я запираюсь на замок. А днем просто прикрываю. Ее кто угодно может открыть, если хорошенько толкнуть.

– Ах, как нехорошо! – Инспектор Кемпбелл укоризненно покачала головой. – Значит, вы оставляете дом незапертым?

– Да что у меня красть-то? – удивился Монти. – А в гости ко мне никто не заходит... почти никто. Кто сюда придет? – Странность вопроса дошла до него, и он снова презрительно фыркнул: – Ну да, вы, наверное, скажете: тот тип ведь вошел!

– Большой дом для одного человека, – заметила она.

– Я всегда жил здесь – почти всю жизнь, – продолжал Монти. – Так сказать, здесь мое родовое гнездо. Последнее время я живу только на первом этаже. У меня артрит; колени не гнутся, и мне тяжело подниматься по лестнице.

– Здесь внизу есть туалет?

Вопрос покорибил Монти, но, подумав, он все же решил на него ответить. Может, инспекторше приспичило?

– В холле, слева от входа, если смотреть отсюда, – ответил он. – Там все, что нужно. Правда, дверь не запирается. Придется вам петь или еще как-то обозначать, что вы там.

Она покраснела:

– Мне туалет не нужен. Меня интересовало другое. Как вам удастся принимать ванну?

Глаза у Монти воинственно засверкали.

– Хотите узнать, принимаю ли я ванну вообще? Отвечаю: нет, не принимаю! На первом этаже ванной комнаты нет. А ополоснуться можно и здесь, на кухне. – Он кивнул в сторону огромной старой каменной раковины.

– Места у вас много, – заметила инспектор. – Можно пристроить на первом этаже ванную или душ... Да хоть в вашем туалете. Вы не пробовали обращаться в муниципалитет? Возможно, вам все сделают бесплатно.

– Уж эти женщины, так и норовят сунуть нос в чужие дела! – проворчал Монти, вспомнив свою последнюю встречу с представительницей местных властей. – Нет, дорогая моя, никаких

дел с муниципалитетом я не имею! Они все так и норовят испортить мне жизнь. И потом, не хочу, чтобы в моем доме появились рабочие. Они затопчут весь дом, будут свистеть, без конца пить чай и путаться у меня под ногами. Уж как-нибудь обойдусь. Меня и так все устраивает. И при чем здесь покойник, который непонятно как очутился на моем диване? Насколько я понимаю, совершенно ни при чем. – Монти все больше распалялся. Он не просил этого типа вламываться в его дом и умирать в его гостиной! Еще подумают, что он имеет к мертвецу какое-то отношение. Он всю жизнь избегал какой бы то ни было ответственности. Пенни, будь она жива и стой рядом с ним, наверняка подтвердила бы его слова.

– Верно, – кивнула его рыжая собеседница. – Что ж, Монти, мы пока не знаем, от чего скончался ваш гость. Давайте подумаем, как он сюда попал. Снаружи ни одной машины, кроме полицейских. А пешком он прийти не мог – у него чистые туфли.

– В самом деле? – удивился Монти.

– Да. Я смотрела.

Монти задумался.

– Будь я проклят! – воскликнул он наконец. – А вы, оказывается, не промах! Вы правы. Когда я вернулся домой, никакой машины снаружи не было.

Инспектор Кемпбелл снова улыбнулась:

– Мне положено быть наблюдательной. Одежда у него тоже по большей части чистая. – Она едва заметно покосилась на грязные куртку и рубашку Монти с замахрившимися манжетами. – И одет он вполне прилично. Куртка у него из натуральной замши, такие дорого стоят.

– Сдается мне, он из тех, кто любит болтаться на скачках, – вдруг буркнул Монти.

Серые глаза насторожились.

– Вы часто бываете на скачках?

– Нет, я просто так подумал. – Монти выругал себя: с рыжей инспекторшей, похожей на его бывшую жену, надо держать ухо востро и следить, что говоришь. Полицейские цепляются к словам и искажают каждое до неузнаваемости. Пенни была такой же: ей вечно мерещилось то, о чем он и не помышлял! Прямо как на допросе: имя, воинское звание, номер части! Отвечай, Монти!

– Дело в том, мистер Бикерстаф... извините, Монти... мне по-прежнему с трудом верится в то, что вы нашли у себя дома мертвеца, которого раньше и в глаза не видели.

– Сначала я подумал, что он спит, – ответил Монти. – А потом понял, что он не спит. Я не смог его разбудить... – Он поспешно добавил: – Да, я немножко дернул его за рукав – не потряс, а легонько дернул. И повысил голос. Решил, что он напился до бесчувствия и вломился ко мне, чтобы отоспаться. Он обмочил штаны, и от него воняло. Вы, наверное, тоже почувствовали?

– Да, почувствовала. Извините, что докучаю вам, но вы совершенно уверены, что не видели его раньше?

– Да, я его в глаза не видел.

– Вы сегодня никого не ждали к себе в гости?

Монти уже собирался ответить отрицательно, но они оба вздрогнули от неожиданности, когда из его кармана послышались металлические звуки – первые такты «Турецкого марша» Моцарта. Монти пришел в ужас.

– По-моему, вам звонят по мобильному, – заметила инспектор Кемпбелл.

– Дурацкая хреновина... – Монти нащупал в кармане телефон, достал, приложил к уху.

– Здравсте, дядя Монти! – послышался бодрый голос на том конце линии. – Это Бриджет. Хочу к вам заехать – посмотреть, как вы поживаете. Танзи говорила, что вы наконец купили мобильный телефон, но вы нам никогда не звоните.

Монти недоверчиво уставился на трубку, а потом протянул ее инспектору Кемпбелл.

– Это моя... родственница, – пояснил он. – Упорно называет меня «дядей», хотя никакой я ей не дядя. Бриджет – дочь моего двоюродного брата Гарри. Вы, кажется, девушка умная. Вот вы и поговорите с ней.

– Как ее фамилия? – спросила инспектор, протягивая руку.

Монти наморщил лоб, вспоминая.

– В последний раз была Харвелл. Она их часто меняет. То и дело выходит замуж; похоже, и сейчас собирается, уже в четвертый раз. Так что попробуйте назвать ее миссис Харвелл – может, и отзовется.

Он исподлобья смотрел на молодую инспектора Кемпбелл и слушал ее реплики.

– Да, миссис Харвелл, согласна, история очень загадочная. Да, совершенно верно, в доме вашего дяди, на диване в гостиной, лежит... труп. Мы его, конечно, увезем, как положено, но сегодня вашему дяде нельзя здесь оставаться. Да, он сейчас в неплохой форме – разве что легкий шок... Нет... – Инспектор покосилась на Монти и на стоящий рядом с ним пустой стакан из-под виски. – Нет!

– Интересно, не пьян ли я? – проворчал Монти.

– Понимаю, миссис Харвелл. По-моему, прекрасная мысль. Я ему передам. Да, я вас дождусь.

– Что? – закричал Монти, когда инспектор нажала отбой. – Что еще за прекрасные мысли и с какой стати Бриджет сюда приедет?

– Миссис Харвелл любезно предложила забрать вас к себе домой и на несколько дней приютить у себя, – объяснила инспектор Кемпбелл. – Говорит, что будет здесь минут через двадцать.

– Проклятие! А вам не кажется, что сначала нужно было меня спросить? Я не поеду к Бриджет! Уж лучше посадите меня в тюрьму, запирайте дверь и выкиньте ключ!

Монти в досаде замахал руками и перевернул пустой стакан.

– У нас пока нет оснований сажать вас в тюрьму, верно? – возразила инспектор, успев подхватить стакан до того, как он упал со стола и разбился. – Возможно, вам и в самом деле лучше будет какое-то время пожить у миссис Харвелл. По крайней мере, переночуйте у нее сегодня. Вы перенесли сильное потрясение, и вам нельзя здесь оставаться. По-моему, насчет этого мы с вами уже договорились.

Дверь распахнулась, и в кухню заглянул моложавый коренастый мужчина, он жестом поманил инспектора Кемпбелл. Она извинилась и вышла; каблучки ее черных сапожек с острыми мысками застучали по каменному полу, как будто она исполняла чечетку. Дверь она за собой закрыла. Монти слышал их голоса, но ему не интересно было, о чем они говорят.

Сюда едет Бриджет. Ему придется отправиться к ней домой.

Когда он понял, что тип, который развалился у него на диване, мертв, ему показалось, что хуже не бывает. Оказалось – бывает!

Глава 3

– Все в самом деле как-то непонятно, – тихо сказал сержант Фил Мортон, обращаясь к Джесс Кемпбелл. Они вышли в холл, где Монти не мог их слышать, но высокие своды почему-то напоминали о церкви, и потому здесь невольно хотелось говорить шепотом. – Я быстро осмотрел карманы куртки нашего покойника и не обнаружил ни одной вещи, по которой можно было бы установить его личность. При нем нет ни бумажника, ни ключей от машины, ни водительских прав, ничего. Только немного мелочи. По-моему, нас кто-то опередил и все вытащил.

– Нехорошо! – заметила Джесс. – Голову даю на отсечение, он умер не своей смертью. Кому нужно, чтобы мы не узнали, кто он такой? Пожалуй, выведу-ка я мистера Бикерстафа из дома. Пусть пока посидит в машине, а потом за ним приедет его племянница, миссис Харвелл.

– Следов насилия на теле нет, – с сомнением возразил Мортон. – Во всяком случае, я ничего такого не вижу. И признаков борьбы тоже. Имей в виду, весь дом – сплошная свалка, так что вряд ли старик сможет сказать, что какая-то вещь лежит не на месте или где-то особенный беспорядок.

– Придется поискать и вокруг дома. Нас интересуют любые следы и улики. Скорее всего, мы увидим лужу рвоты. Покойника перед смертью явно тошнило. Фил, но откуда он взялся? Не прилетел же он сюда по воздуху, как Мэри Поппинс! Допустим, он приехал на машине. Тогда где она? Пешком он точно не пришел – у него чистые туфли. Да и не похож он на бродягу, который побирался по мелочи. Он мужчина среднего возраста – где-то сорок с небольшим, – который хорошо одевался и хорошо питался. Ты со мной согласен?

Мортон кивнул. Потом покосился на закрытую дверь кухни, в которой сидел невидимый Монти.

– А может, старик пошарил по карманам у покойника? Собирает себе на виски...

– Тогда он бы не взял ни ключей от машины, ни весь бумажник, только деньги. И потом, мне не кажется, что Монти обшарил карманы покойника. Я с тобой согласна: кто-то очень не хотел, чтобы мы быстро опознали его, и обчистил карманы нашего мертвого приятеля. И тот или те, кто его обчистили, скорее всего, привезли его сюда на машине и бросили.

– Почему именно сюда? – тут же спросил Мортон. – Думаешь, те, кто его сюда привез, знали об этом доме? – Он огляделся по сторонам. – Надо сказать, неплохое местечко они подобрали! Не дом, а настоящая свалка, и весело, как в морге!

Джесс сунула руки в карманы куртки и ссутулила плечи. Фил прав. Старый дом похож на мавзолей. Внутри промозгло, сыро, пыльно и пахнет плесенью. Должно быть, его построили в Викторианскую эпоху. Широкая лестница явно рассчитана на то, что по ней будут подниматься дамы в кринолинах.

На галерее второго этажа было не совсем темно: солнце проникало туда через витражное окно. На резном дереве и почерневших картинах плясали красные и желтые пятна разного размера. Витраж вполне соответствовал общей атмосфере; Джесс даже показалось, будто она находится в чем-то склепе. Не хватало лишь запаха застоявшейся воды из-под цветов и свечного воска.

Встряхнувшись, она отрывисто сказала:

– Я выведу Монти на улицу. А потом давай поднимемся туда... – Она показала на второй этаж. – Удостоверимся, что в доме больше нет трупов.

Вернувшись на кухню, Джесс заметила, что Монти совсем затосковал. Что же с ним делать? Он явно не горел желанием никуда уезжать, и меньше всего ему хотелось пользоваться гостеприимством Бриджет Харвелл, хотя Джесс показалось, что племянница Монти – женщина вполне здравомыслящая. Во всяком случае, это следовало из телефонного разговора. Монти нельзя оставаться в доме, который предположительно стал местом преступления. Кроме того,

ему сейчас нельзя находиться в одиночестве. Понимал он это или нет, он пережил сильное потрясение.

– Пойдемте со мной, сэр, – бодро обратилась Джесс к старику.

Он послушно встал и поплелся за ней из кухни.

Выйдя на крыльцо, Джесс с облегчением вдохнула свежий воздух. Монти сунул руки в карманы и нахохлился.

За калиткой у машины стоял констебль – один из двоих, приехавших сюда первыми. Он разговаривал с незнакомцем, молодым парнем в джинсах и потертой кожаной куртке.

– Здорово, Монти! – крикнул парень, увидев Бикерстафа. – Что тут у тебя творится? Полицейский мне не говорит!

Монти открыл было рот, но Джесс его опередила:

– Мистер Бикерстаф, на все вопросы буду отвечать я. Вы, пожалуйста, ничего не говорите!

Она усадила его на заднее сиденье полицейской машины и захлопнула дверцу. Монти откинулся на спинку сиденья и скрестил руки на груди – ни дать ни взять капризный малыш.

Джесс повернулась к констеблю и молодому незнакомцу. Внимательно оглядела его и решила, что ему лет двадцать с небольшим. Очень загорелый – судя по всему, почти все время работает на улице. Длинноватые сзади волосы выются над засаленным воротником кожаной куртки. Голову не помешало бы вымыть, а куртку почистить. Сейчас он по-своему привлекателен, но скоро заматереет и огрубеет. Заметив, что она его рассматривает, парень нисколько не смутился, не отвел глаза в сторону. Ну и нахал!

– Вы кто? – сухо спросила она.

– Гэри Колли. – Несмотря на блеск в темных глазах, парень и говорил, и держался как-то настороженно.

– Этот джентльмен, – констебль не без насмешки кивнул в сторону Гэри, – живет по соседству, футак в шестистах отсюда. По его словам, у его отца имеется небольшая ферма, где он и живет вместе со всеми родственниками.

Гэри посмотрел на Джесс исподлобья:

– Он не говорит, что тут стряслось. – Он вынул руку из кармана куртки и ткнул ею в констебля.

– Все верно, и я ничего вам не скажу, – ответила Джесс. – Придется вам подождать. Зато мне хочется кое о чем вас спросить.

Однако Гэри еще сам не закончил с расспросами.

– Надеюсь, вы не арестовали старину Монти?

– Нет. Скажите, вы уже заходили сюда сегодня?

– Нет, – быстро ответил Гэри.

– Где вы были?

– Дома, ходил за скотиной, занимался разными делами по хозяйству. У нас небольшая ферма, правильно он сказал. В основном разводим свиней, – пояснил он, подавляя усмешку.

Джесс все прекрасно поняла. Гэри Колли явно из тех, кто обычно обзывает «свиньями» полицейских; сейчас он, наверное, радуется своему остроумию. Надо будет проверить, нет ли у него судимостей и приводов...

– Что привело вас сюда сейчас?

– Я заглянул по пути; шел в город пропустить кружку-другую пивка.

Джесс посмотрела на наручные часы.

– Сейчас довольно рано, всего без десяти пять.

– Дорога в город займет у меня полчаса. – Гэри посмотрел на нее в упор смеющимися черными глазами.

– Кто живет на вашей ферме, помимо вас и вашего отца? – спросила Джесс.

– Мамаша, – ответил Гэри. – А еще сестра, ее девчонка и бабушка.

Четыре поколения под одной крышей! Джесс знавала немало семей вроде Колли. Местные жители, скорее всего, известные всем соседям – и едва ли с хорошей стороны. Сами они знают всех и все, что творится в округе. Они не воры, но и кристально честными их не назовешь. Промышляют браконьерством или устраивают нелегальные собачьи бои – что-то в этом роде. Возможно, на своей уединенной ферме они даже хранят краденое. Пополняют семейный бюджет, прислуживая ворах покрупнее. Наверное, имеет смысл осмотреть их ферму. Главное – попробовать обойтись без ордера на обыск.

– Сколько лет дочери вашей сестры?

Если органы опеки заподозрят плохое обращение с ребенком, у полиции появится веский предлог заняться семейством Колли.

Гэри немного подумал и неуверенно ответил:

– Года четыре, что ли...

– А кто ее отец?

Гэри ухмыльнулся:

– Вы что, из полиции, что ли?

– Да, – кивнула Джесс.

– Вот вы и выясняйте, кто папаша Кейти. В нашей семье никто не знает.

Джесс глубоко вздохнула.

– Вы сегодня не видели на дороге незнакомые машины?

– К нам сюда нечасто кто-то заезжает, – ответил Гэри. – Если кто и появляется, то в основном едет на ферму Снеддона или оттуда. Снеддон живет в полумиле за нами. – Он махнул рукой в сторону дороги. – Я не видел никаких незнакомых машин. Чаще всего к нам заворачивают, если сбились с пути.

– Вы уверены?

Гэри уверенно кивнул:

– Чужаков я бы сразу заметил. Обычно они сами окликают нас и спрашивают дорогу. Я посылаю их назад, на окружную. Можно, конечно, проехать и напрямик, но здесь проселочные дороги, а кусок пути вообще идет лесом. Никаких указателей, сплошные ухабы и рытвины. Дорога узкая, двум машинам никак не разъехаться. Если тут встречаются две машины, одному водителю приходится сдавать назад и ехать до ворот... В общем, чужак на машине сразу бросается в глаза.

– А пешеход?

Гэри покачал головой:

– Нет. К нам пешком не ходят. Сами видите, какая тут дорога! – Гэри обернулся и ткнул пальцем вдаль. – Отсюда поднимается на Стрелковый холм. В хорошую погоду там, бывает, гуляют. Но сегодня я там, наверху, никого не видел, да и внизу тоже. – Гэри подмигнул Джесс и продолжал: – Правда, я не весь день торчу у забора. Свиньи у нас пасутся за домом, в загоне. За ними глаз да глаз! Они ломают все, что могут. Вот и сегодня проломили ограду и выбежали на соседнее поле, к Питу Снеддону. Если бы Пит их увидел, он бы такое нам устроил! Поэтому мы с папашей все утро загоняли свиней домой. А потом мне еще пришлось чинить изгородь.

– Спасибо, – сказала Джесс. – Кто-нибудь из наших сотрудников наведается к вам на ферму и побеседует с вашими родными. Постарайтесь вспомнить, не видели ли вы здесь чего-нибудь необычного, незнакомых людей на дороге или рядом с ней.

Гэри посмотрел поверх ее плеча на «Балаклаву» и заметил:

– А вы здесь долго были!

– А ну давай отсюда! – рявкнул на него констебль.

Гэри пожал плечами и бодро зашагал к городку, раскинувшемуся вдалеке. Но Джесс ему обмануть не удалось. Гэри хватит ума не сразу вернуться домой, но и в город он теперь вряд ли

пойдет. Стоит ему скрыться из вида, как он повернет назад и вернется домой полями, чтобы обо всем предупредить своих родичей. И тогда даже ордер на обыск окажется бесполезным. Если на ферме хранят краденое, до приезда полиции все успеют перепрятать в надежное место.

– Сообщите мне, когда приедет миссис Харвелл, – велела Джесс констеблю. – Но в дом ее не пускайте.

Обернувшись, она увидела сержанта Мортон и второго констебля. Оба стояли рядом с входной дверью и внимательно смотрели вниз, на землю. Подойдя к ним, Джесс потянула носом и почувствовала характерный запах, хотя раньше не обращала на него внимания. Ну да, конечно – рядом ведь свиноферма!

– Вообще-то свиньи – животные чистоплотные, – рассудительно заметил констебль. – Но если их целое стадо...

– Ладно тебе, знаток сельского хозяйства! – сказал ему Мортон.

– Продолжайте осматриваться, – велела констеблю Джесс. – Ну, Фил, а нам с тобой пора заняться вторым этажом. Будем надеяться, нас там не ждут новые неприятные сюрпризы!

Они снова вошли и немного постояли в просторном холле. Потом Мортон задрал голову, и на его всегда мрачном лице появилось изумленное выражение.

– Подумать только, старик живет здесь совсем один! Интересно, ему страшные сны не снятся?

– Он прожил здесь всю жизнь, – возразила Джесс. – И наверное, просто не замечает, в какое состояние пришел его дом.

– А у его предков, наверное, водились денежки, – заметил Мортон, когда они стали осторожно, держась ближе к стене, подниматься по лестнице. – Интересно, что случилось с их богатством. Слушай, а может, старик – просто эксцентричный миллионер? Представляешь, поднимаемся мы наверх, а там под полом куча сгнивших ассигнаций!

Они поднялись на второй этаж и подошли к витражному окну. Витраж оказался на библейскую тему; фигуры были облачены в старинные одеяния. Остановившись бок о бок, Джесс и Мортон принялись внимательно разглядывать картину. Сцена была насыщена действием. У какого-то здания возмущенно бурлила толпа. Люди злобно смотрели наверх, на окно, откуда падала женская фигура с длинными желтыми волосами. Женщина вскинула вверх руки, униженные браслетами, словно моля о пощаде и одновременно прикрываясь. В углу сидели две собаки и выжидательно наблюдали за ней.

Напротив когда-то было второе такое же окно. Возможно, сюжет второго витража тоже был библейским, но окно разбилось, и его довольно грубо заколотили досками. Уцелело лишь несколько кусочков цветного стекла наверху.

– Как по-твоему, что тут изображено? – спросил Мортон, глядя на неповрежденный витраж.

– Смерть Иезавели, – тут же ответила Джесс. – Я видела картины на этот сюжет; моя школьная учительница увлекалась историей. Иезавель была женой царя Ахава; поддавшись ее дурному влиянию, он совершал разные преступления. Он погиб в бою от случайной стрелы.

– Как наш король Гарольд в битве при Гастингсе, – заметил Мортон, любивший при случае щегольнуть своей эрудицией.

– Верно. Узнав о гибели Ахава, народ ворвался во дворец. Злую и распутную Иезавель выбросили из окна. – Джесс показала на витраж. – Ее труп сожрали бродячие собаки. Кстати, и собаки тоже здесь есть – видишь, внизу?

– Какая славная картинка, – поморщился сержант. – И сюжет такой... милый, домашний! Как ты думаешь, у хозяев было все в порядке с головой? Представляю, как приятно каждое утро, спускаясь к завтраку, проходить мимо этой жути!

– В Викторианскую эпоху любили такие поучительные истории, – ответила Джесс. – Мораль, заложенная в них, побуждала совершать правильные поступки... Должно быть, подобные сюжеты тогда считались весьма жизнеутверждающими.

Мортон не согласился с ней:

– Здесь изображено жестокое убийство. Что может быть жизнеутверждающего в море крови и вывороченных кишках? Кстати, а та блондиночка, Иезавель, похоже, была та еще штучка... Ну да, людям нравятся такие истории, но вовсе не потому, что они способствуют духовному очищению. Просто они щекочут нервы.

Площадка второго этажа в плане напоминала перекладину буквы «Н». Два параллельных коридора вели в тыльную часть дома.

– Я пойду по правой стороне, а ты иди по левой, – предложила Джесс.

Бросив последний неодобрительный взгляд на падающую из окна Иезавель, Мортон побрел по левому коридору. Джесс повернула направо и двинулась параллельным курсом.

Открывая одну дверь за другой, она видела одинаково заброшенные спальни, в которых царил довольно гнетущая атмосфера. Кровати, шкафы, комоды и кресла кто-то заботливо укутал чехлами. На тех предметах мебели, которые почему-либо не закрыли, со временем вырос толстый слой пыли. На стенах чернели пятна плесени. Когда-то красивые и дорогие шторы сгнили и превратились в лохмотья. На каминных полках валялись окаменевшие остатки галочьих гнезд. В ванной комнате, в огромной викторианской ванне на толстых гнутых ножках в форме львиных лап лежал кусок обвалившегося потолка, краны заржавели.

Джесс развернулась и стала осматривать комнаты по другую сторону коридора. Она успела открыть лишь одну дверь. За ней, видимо, помещалась бельевая. На полках большого шкафа хранился солидный запас старых, пожелтевших простыней. Вдруг до нее донесся крик Мортон, который тоже приступил к осмотру комнат с тыльной части дома.

Выбежав в коридор, она увидела, что сержант стоит в дверном проеме.

– Что скажешь? – спросил Мортон, пропуская ее вперед.

Джесс ахнула от удивления. Затем вошла и стала озираться по сторонам.

Спальня, которую нашел Мортон, являла собой резкий контраст с остальными помещениями старого дома. Судя по всему, недавно здесь произвели тщательную уборку. Джесс не заметила нигде ни пылинки. Все деревянные поверхности блестели. Кровать не была накрыта чехлом; на матрасе лежало синтетическое одеяло ярко-розового цвета. Новизна одеяла бросалась в глаза; в комнате, уставленной антикварной мебелью, оно резало глаз, как фальшивая нота. Джесс сразу почуяла неладное. Другие признаки, не такие явственные, также указывали на то, что здесь кто-то живет. Джесс потянула носом. И воздух здесь явно был более свежим, чем в любом другом месте старого дома.

Она медленно сказала:

– Кто-то здесь живет или регулярно бывает... Комнату недавно проветривали. И ни одному из Бикерстафов не пришло бы в голову положить сюда такое одеяло... Кроме того, Монти уверяет, что он никогда не поднимается на второй этаж. Так кто же побывал здесь, зачем и когда?

– И известно ли об этом старому Бикерстафу? – добавил Мортон. Он медленно обходил комнату, заглядывая во все углы.

– Нет, по-моему, ему ничего не известно. Но спрашивать его надо осторожно. Сам подумай, Фил. Монти живет один в огромном полуразвалившемся доме. Он, по его же собственному признанию, не ходит на второй этаж и не запирает входную дверь. Возможно, о его привычках отлично знают местные пьяницы, бродяги, школьники, туристы – словом, все, кто хоть немного знаком с местностью. Кто-то устроил себе здесь идеальное убежище. Монти ни о чем не догадывается... Чем дальше, тем больше я понимаю, почему кому-то пришло в голову подбросить покойника в старый дом... Надо вызвать бригаду экспертов-криминалистов!

– Не похоже, чтобы здесь обосновались наркоманы, – заметил Мортон, закончив обход. – Нет ни грязных игл, ни пустых пивных банок, ни оберток от еды, ни другого мусора...

– Они все за собой убрали, – ответила Джесс. – Предположим, злоумышленник или злоумышленники знали об этой комнате... Покойника они положили вниз, а сами поднялись на второй этаж и быстро навели здесь порядок. Правда, вряд ли у них было много времени... Вызывай экспертов-криминалистов. Нужно, чтобы они успели сюда до того, как увезут тело.

Мортон с недовольным видом переминался с ноги на ногу.

– Ты уверена? – спросил он.

– Я докажу, что это необходимо! – огрызнулась Джесс. – Всю ответственность за принятое решение беру на себя!

Фил покраснел и насупился, но сдался. Он понимал, что спорить бесполезно.

– Ладно, – проворчал он. – Если нам очень повезет, криминалисты обнаружат здесь парочку отпечатков пальцев. Если нам крупно повезет, на одеяле обнаружат следы ДНК. Они наверняка должны там быть, если те, кто сюда приходил, занимались тем, о чем я подозреваю.

Они спустились вниз и вышли на улицу. К ним тут же подошел один из двоих констеблей и звонко, взволнованно сказал:

– Инспектор Кемпбелл, по-моему, вам стоит взглянуть...

Джесс и сержант Мортон поспешили за молодым констеблем. Он повел их к живой изгороди. Рядом, на дорожке, они заметили глубокую борозду.

– Свежая, – заметил Мортон.

Чуть дальше, у самых кустов, они увидели еще одну такую же борозду. Живая изгородь сильно разрослась; за ней возвышались давно не стриженные деревья, их ветви переплелись, и получились настоящие джунгли.

– Там сломаны ветки и трава примята. Кто-то недавно тут прошел. Мне не хотелось затаптывать следы, но, судя по всему, они ведут к пролому в стене, а оттуда – на боковую дорогу.

– Молодец! – воскликнула Джесс. – Здесь тоже понадобятся эксперты.

– С расходами не считаемся, – проворчал недовольный Мортон.

– Фил, спасибо, мне и самой известно, какой у нас скудный бюджет. Средства – настоящие каторжные колодки для детективов! Но суперинтендент Картер, по-мо ему, возражать не будет. Мало того, что мы нашли неопознанный труп в таком месте, где ему находиться не положено, само место происхождения из ряда вон выходящее!

Мортон нехотя кивнул в знак согласия.

– Что скажешь? – спросил он, пока они шли к главным воротам. – По-твоему, жмурика приволокли с той стороны? Значит, его не внесли в ворота, а протащили в пролом... Потом кто-то волок его по бывшему саду и по дорожке, и его каблуки оставили борозды...

– По-моему, в ворота его внести никак не могли. – Джесс показала на ржавые петли. – Видишь, ворота можно лишь чуть-чуть приоткрыть, чтобы с трудом протиснулся один человек. Вряд ли сюда могли ввести или внести покойника или умирающего... Ну да, он попал в дом с другой стороны. Я почти не сомневаюсь, что его втащили через сад. Кстати, одному человеку тут не справиться. По-моему, надо будет оцепить и дом, и сад. Будем искать следы двух человек: убийц либо убийцы и сообщника.

Мортон открыл было рот, но, прежде чем он успел возразить, к дому подлетел, подпрыгивая на ухабах, синий двухместный спортивный автомобиль. Констебль, охраняющий калитку, шагнул навстречу и жестом приказал водителю остановиться. Правда, женщина, сидевшая за рулем, и так нажала на тормоз. Высунувшись, она громко спросила:

– Кто здесь главный? Моя фамилия Харвелл!

Джесс не ожидала, что Бриджет Харвелл появится в спортивной машине. Спортивная машина казалась слишком легкомысленной для такого происшествия. Констебль нагнулся к

ней и стал что-то объяснять – видимо, что въезжать на территорию нельзя. Здесь еще предстоит поработать экспертам. Кстати, и ворота все равно не открываются...

Женщина выбралась из машины и быстро зашагала к Джесс.

– Не заходите в ворота! На участок нельзя! – громко сказал констебль, перегораживая ей путь.

– Знаю, знаю! Вы уже все объяснили, – отмахнулась от него Бриджет Харвелл.

Джесс покосилась в сторону полицейской машины, в которой сидел Монти. Старик отчаянно жестикулировал. Судя по движениям его губ, он изрыгал проклятия. Племянница его пока не замечала.

Джесс поспешила к воротам, протиснулась в щель и подошла к вновь прибывшей. Интересно, какая у Монти племянница!

– Я Бриджет Харвелл, – представилась хозяйка спортивной машины. Говорила она вежливо, но успела внимательно оглядеть Джесс с головы до ног. Джесс поняла, что ее собеседница настроена вполне деловито. – Где мой дядя? Как он?

Голос у нее оказался нервным и ломким; возможно, она так говорила всегда, а может быть, волновалась из-за того, что здесь случилось.

На вид Бриджет Харвелл можно было дать лет сорок пять; ее красота успела слегка поблекнуть. Это была невысокая, стройная пепельная блондинка с густыми, безупречно уложенными волосами. Рядом с ней Джесс невольно показалась себе неуклюжей и неженственной. Джесс приказала себе успокоиться. В конце концов, она здесь на работе. На время придется забыть, что ей не по карману одеваться так, как Бриджет Харвелл. На карманах джинсов Бриджет она заметила ярлык известного кутюрье, а вишнево-красный свитер, судя по всему, был из настоящего кашемира.

– Я инспектор Кемпбелл! – представилась Джесс, напоминая не только Бриджет, но и себе самой, что главная здесь она. – Ваш дядя вон там, в полицейской машине. – Она подошла к машине и распахнула дверцу. – Ну вот, Монти, можете выходить. За вами приехала ваша племянница.

Монти скрестил руки на груди и пробурчал:

– Спасибо, мне и здесь неплохо.

Бриджет Харвелл наклонилась к окошку и заговорила уверенно и властно:

– А ну-ка, прекратите, дядя Монти! Хоть раз в жизни будьте благоразумны. Как вы себя чувствуете?

– Как чувствую? – вытаращился на нее Монти, которого ее вопрос, видимо, на время лишил дара речи. Впрочем, он довольно быстро опомнился. – Я в бешенстве! Просто в бешенстве! Какая-то сволочь подбросила мне в дом покойника! По всем комнатам шляются полицейские... Еще и тебя вызвали, и ты собираешься меня похитить. Так какого дьявола спрашивать, как я себя чувствую?!

Бриджет выпрямилась и повернулась к Джесс.

– Похоже, он в норме, – заключила она, с облегчением вздыхая. – Во всяком случае, такой же, как всегда. – Джесс уловила за ее деловитыми манерами раздражение, которое Бриджет, впрочем, умело скрывала. Бриджет отрывисто продолжала: – Старик всегда любил поворчать. С ним трудно ладить! И все же он не молодеет; по-моему, сейчас ему не стоит здесь оставаться. Я увезу его к себе, хорошо? – Она устремила на Джесс пытливый взгляд.

В голову Джесс закрались мысли, не имеющие никакого отношения к следствию, и она невольно испытала досаду. Либо миссис Харвелл перед приездом сюда нарочно где-нибудь остановилась и подправила макияж, либо привыкла целыми днями разъезжать в безупречном виде. «И почему, – спросила себя Джесс, – если я крашу ресницы, у меня всегда течет тушь? Может, потому, что я покупаю дешевку?»

– Не хочу я к тебе! – крикнул Монти племяннице из машины. – Хочу вернуться в собственный дом!

– Мистер Бикерстаф, мы с вами уже обо всем договорились, – терпеливо возразила Джесс. – Вы и сами прекрасно понимаете: домой вам пока нельзя.

– А как же его вещи? – спросила Бриджет. – Ему понадобится хотя бы зубная щетка!

Джесс нахмурилась:

– Извините, но я вызвала бригаду экспертов-криминалистов. Пока они не осмотрят дом, входить туда нельзя.

Миссис Харвелл тяжело вздохнула и рассеянно похлопала себя по безупречно подстриженному виску.

– Значит, по пути придется заехать в Челтнем и купить ему какую-нибудь одежду.

– Мне нравится и то, что на мне! – воинственно возразил Монти. Впрочем, он, видимо, уже смирился с поражением.

– Дядя Монти, нельзя же спать в том, в чем вы ходите весь день! И потом, вам понадобятся мыло, бритва и так далее. Ничего страшного, я обо всем позабочусь. – Обернувшись к Джесс, Бриджет Харвелл доверительно заметила: – Мы уже довольно давно волнуемся за него... Хорошо, что это не случилось вчера. Вчера я весь день была в Лондоне и не смогла бы приехать за ним.

При упоминании мыла и бритвы лицо Монти перекошилось от огорчения. Он открыл рот, собираясь возражать, но потом сдался и, что-то бормоча себе под нос, нехотя вылез из машины.

Бриджет протянула Джесс листок бумаги.

– Здесь мой адрес, домашний и мобильный телефоны, – сказала она. – Если вы не возражаете, я сейчас усажу дядю в машину и ненадолго вернусь к вам.

Джесс все больше понимала Монти. Он покорно позволил увести себя и усадить в спортивную машину. На пассажирском сиденье оказалось тесновато. Монти все больше мрачнел. Бриджет сама пристегнула его ремнем безопасности, как ребенка, и быстро вернулась к Джесс.

– Знаю, вы не имеете права рассказывать, что здесь случилось, – сказала она. – Я все понимаю. Но кто покойник? – Она ткнула пальцем в сторону дома.

– Мы не знаем, миссис Харвелл, а ваш дядя говорит, что он с ним не знаком. Вынуждена быть с вами откровенной; трудно поверить, что мертвец совершенно чужой человек, который просто упал с неба. Почему он оказался именно здесь? Наверняка есть какая-то связь... – Джесс помолчала. – Вы не окажете нам любезность? Может, взглянете на него?

– Да откуда же мне его знать! – тут же возразила Бриджет Харвелл, сразу становясь похожей на своего дядю. Все Бикерстафы чем-то похожи... Но Джесс сдаваться не собиралась. Ей все меньше хотелось считаться с чувствами миссис Харвелл.

– Кто-то наверняка его опознает. Возможно, он – шапочный знакомый, а мистер Бикерстаф его просто забыл. Давно не видел, вот и забыл... И конечно, пережитое потрясение сказалось... – Джесс надеялась, что ее доводы подействуют на Бриджет.

– Дядя Монти забывчивостью не страдает, зато он очень твердолобый и несговорчивый... Если что вобьет себе в голову, его не переубедишь. – Бриджет вздохнула. – Вам не позавидуете! Придется устанавливать личность этого... покойника. Я все понимаю. Ну да, мне бы тоже хотелось знать, кто он такой и почему оказался в доме моего дяди. Что ж, ведите! Так и быть, посмотрю на него – только быстро! Не заставляйте меня там задерживаться.

Джесс стало неловко.

– Я понимаю, что вам неприятно... – заговорила она, когда они подошли к двери.

Бриджет только отмахнулась. В гостиной она посмотрела на мертвеца и прошептала:

– Жуть какая!

Посмотрев на него еще немного, она покачала головой.

– Извините, ничем не могу вам помочь. Понятия не имею, кто он такой... Как он сюда попал? – Она брезгливо наморщила нос. – Ну и воняет же от него! Давайте выйдем, а то меня сейчас тоже вывернет наизнанку.

– Да-да, конечно. Спасибо вам за помощь. Мы вам очень признательны.

– Все понятно. – Бриджет уже направлялась к двери.

На улице она глубоко вздохнула.

– Надеюсь, больше меня ни о чем таком не попросят. Думаю, с вами мы еще увидимся?

Минуту спустя Джесс и констебль смотрели вслед уносящейся синей спортивной машине.

– Бедный старик, – сочувственно произнес констебль.

Джесс согласилась с ним, но вслух ничего не сказала.

Так или иначе, ее эмоции к делу отношения не имеют.

– Еще кто-то едет, – сообщил констебль.

По грязной, узкой дороге в сторону «Балаклавы» величественно двигалась красная машина. С трудом разминувшись с двухместной машинкой Бриджет Харвелл, красная машина подъехала к воротам. Джесс сразу ее узнала.

– Это патологоанатом, – сообщила она констеблю и подошла поздороваться.

Из машины вышел приземистый молодой человек с копной черных волос. Он сразу открыл багажник, нагнулся и принялся в нем рыться.

– Здравствуй, Том! – окликнула его Джесс. – Быстро ты добрался!

Том Палмер вынырнул из-за крышки багажника, держа в руках одноразовый защитный костюм.

– Дело в том, инспектор Кемпбелл, что мне позвонил ваш начальник и сообщил, что у вас смерть при подозрительных обстоятельствах. Только я собрался выпить чайку... Он сказал, что вы выехали на место и вызвали бригаду экспертов-криминалистов. – Ему не удалось скрыть досаду. – Ну вот, я и примчался, а экспертов что-то не видно... – Том демонстративно огляделся по сторонам.

– Они сейчас подъедут, – заверила Джесс. – Том, честно говоря, не знаю, насколько все срочно. Пока что все выглядит весьма подозрительно. Труп там, внутри... – Она махнула в сторону входной двери. – Кто он такой, никто не знает. Обнаружил его престарелый хозяин дома, когда вернулся из города. По словам домовладельца, он покойника никогда раньше не видел.

– Где он сейчас? – поинтересовался Том, с трудом влезая в защитный костюм. – Я имею в виду – старик.

– Уехал с родственницей; она на время забрала его к себе. – Джесс помолчала. – Они ехали в синей «мазде» – ты с ней только что разминулся.

Том проворчал:

– Женщина-водитель так сурово глянула на меня, как будто я пытался столкнуть ее в канаву!

– Знаешь, я поступила не совсем по инструкции, – призналась Джесс. – Попросила миссис Харвелл (так зовут родственницу) взглянуть на труп.

Том удивленно поднял брови:

– Сколько еще народу потопталось на месте преступления?

Джесс криво улыбнулась:

– По-моему, довольно много. Но мне хотелось убедиться, что мертвец в самом деле не знаком владельцу дома. Просто мистер Бикерстаф – человек пожилой; на всякий случай я показала тело его родственнице – вдруг узнает?

– Мистер Бикерстаф – это владелец? – уточнил Том. Джесс кивнула, и он продолжал: – Если он очень пожилой, возможно, он просто растерялся.

– Нет, Том, не думаю, что он растерялся, – возразила Джесс. – Миссис Харвелл уверяет, что старик часто действует всем назло... Впрочем, она тоже не опознала покойника.

– Ну ладно, – покорно вздохнул Том. – Веди меня к своему неопознанному труп.

Пока они разговаривали, к дому, дребезжа, подъехал фургон без опознавательных знаков и остановился в конце длинной вереницы машин у ворот.

– Наконец-то явились, – проворчал Том, глядя, как эксперты-криминалисты вылезают из фургона и выгружают оборудование. – Пожалуй, надо сначала поздороваться с ними.

Решив, что сейчас от нее все равно ничего не зависит, Джесс вернулась к своей машине, села за руль, и принялась наблюдать за тем, что происходит вокруг. Наконец бригада криминалистов и Том Палмер вошли в дом. Джесс вздохнула и набрала номер своего начальника, суперинтендента Иена Картера.

– Как дела? – спросил Картер.

– Все на месте, сэр. – Джесс замолчала. Из густых зарослей вынырнули сержант Мортон и констебль; они направились к ее машине. – Том Палмер тоже приехал. Возможно, он сумеет подтвердить, что смерть наступила при подозрительных или невыясненных обстоятельствах. Во всяком случае, я усматриваю во всем немало странного. Во-первых, неясно, как покойный сюда попал. При нем нет никаких документов, удостоверяющих личность. Мистер Бикерстаф уверяет, что не знает его, и миссис Харвелл, его племянница – или троюродная сестра, я пока точно не поняла, кем она ему доводится, – тоже подтвердила, что покойник ей не известен. Настораживает и кое-что другое...

– Кто такой этот Бикерстаф? – спросил Картер. – Надежны ли, по-вашему, его показания?

– Он пожилой человек, сэр, живет замкнуто, почти отшельником... Он не без странностей, но голова у него вполне ясная, и он понимает, что произошло. Его зовут Монти – наверное, полное имя Монтэгу. Он всю жизнь прожил в старом особняке, который называется «Балаклава». Должно быть, у его предков водились деньги, но сам Монти не производит впечатления состоятельного человека... И дом, и сад в ужасном состоянии.

– М-да, похоже, мы действительно имеем дело со смертью при подозрительных обстоятельствах. Держите меня в курсе, – отрывисто приказал Иен Картер и отключился.

Мортон склонился к машине, и Джесс опустила стекло.

– Кто звонил? Начальник?

– Да, Фил, и он не очень разозлился, узнав, что смерть произошла при подозрительных обстоятельствах.

Мортон вздохнул с облегчением.

По гравию захрустели шаги; к ним приближался Том Палмер.

– Ну что? – хором спросили его Мортон и Джесс.

Палмер почесал свою густую шевелюру.

– До вскрытия почти ничего утверждать не могу. Смерть наступила недавно, несколько часов назад. Только не просите назвать время точнее, все равно не скажу. И о причине смерти тоже не спрашивайте. Судя по внешним признакам, не исключено отравление.

– Отравление?! – воскликнул Мортон.

– Я вам позже скажу поточнее. – На лице Тома появилось нерешительное выражение. – Кое-что меня удивило...

Джесс и Мортон напряженно ждали. Но Том не стал продолжать.

– Дайте мне как следует взглянуть на него. Нехорошо, если я позволю разыгаться своему воображению.

Том подошел к своей машине и стал стягивать с себя защитный костюм. Джесс и Мортон смотрели на него.

– Ну и что? – спросил Мортон.

Джесс только головой покачала:

– Понятия не имею, но, по-моему, Том просто осторожничает.

Да, осторожничает, но насчет чего? Джесс с некоторым раздражением спросила себя вслух:

– Что я упустила, а Том заметил?

Глава 4

– Иен! – воскликнула Моника Фаррел. – Как я рада тебя видеть! Ты очень давно у меня не появлялся!

Укор смягчался добродушной интонацией и выражением лица. Словно подчеркивая, что она не упрекает, а просто здоровается, Моника похлопала Иена по плечу.

– Пожалуйста в гостиную, как сказал паук мухе. По случаю твоего прихода я приготовила бутылочку хереса.

Суперинтендент Иен Картер вошел в дом тетки своей бывшей жены немного настороженно, хотя ничего паучьего в ней не наблюдалось. Моника была крепкой пожилой женщиной – про таких говорят «широка в корме». Она носила мешковатые юбки, старые кардиганы и туфли на толстой подошве. Длинные седые волосы она скручивала узлом на макушке и скалывала черепаховой заколкой. Картер решил, что заколка старинная – похожа на те, что были в моде в Викторианскую эпоху.

Картер старался не чувствовать себя виноватым. Несколько месяцев назад, после того, как его перевели на другой конец страны, он оказался совсем рядом с домом тети Моники. Он и сам толком не понимал, почему раньше не навестил ее Уэстон-Сент-Эмброуз. Наверное, просто робел? В конце концов, он не обязан поддерживать отношения с родственниками бывшей жены! И он в самом деле ни в чем не виноват. Они с Софи расстались вполне мирно и не рассорились со всей родней. Их жизнь давно не ладилась; семейная лодка медленно дрейфовала к неизбежному. Софи не была с ним счастлива, и он не знал, как все исправить. Они часто пререкались, но крупных ссор у них не было. В силу своей профессии Картер не мог много времени уделять семье. Софи трудилась в международной компании, и ее часто посылали в командировки за границу. Долгое время Картеру казалось, что чаще всего они с женой встречаются в прихожей: один входит в дом, другая выходит. Потом Софи встретила другого и попросила развод. Дочь Милли она забрала с собой. Картер пробовал слабо возражать. Но Софи, как всегда вполне убедительно, с хорошо скрываемым раздражением, напомнила ему: хотя сейчас Милли всего десять лет, скоро она вступит в переходный возраст. Как ему кажется, справится он с воспитанием дочери-подростка? Он капитулировал.

При виде Моники немедленно ожили старые воспоминания Картера, ему стало больно. Дело усугублялось тем, что он приехал к Монике не просто так. Ему кое-что нужно было у нее узнать – разумеется, если она согласится побеседовать с ним на интересующую его тему.

На замшелом камне у крыльца развалился черный кот; он грелся в последних лучах заходящего солнца. У самой низкой двери Картер остановился и окинул взглядом сад. Деревья и кусты купались в теплом розовом свете, который исчезнет через несколько минут, когда солнце скроется за горизонтом. Из листвы доносился деловитый птичий щебет – скворцы устраивались на ночлег. Кот зевнул, высунув ярко-розовый язык и оскалив острые белые клыки, а затем демонстративно отвернулся от гостя.

В доме все осталось таким же, как в тот раз, когда они приезжали сюда вместе с Софи... и Милли. Милли тогда прыгала повсюду, веселая, взволнованная. У Картера кольнуло сердце. В гостиной было так же тесно и так же уютно. Моника прогнала из кресла еще одного кота – рыжего, с довольно угрюмой физиономией – и жестом пригласила Иена сесть на место домашнего любимца. Рыжий кот смерил его многозначительным взглядом. Картер попытался наладить отношения и нагнулся, собираясь погладить кота. Рыжий зашипел на него и гордо удалился.

– Он тебя не знает, – объяснила хозяйка. – Если бы ты приезжал почаще, вы бы с ним стали друзьями.

– Извините, Моника, – сказал Иен. – Я знаю, мне бы давно надо было вас навестить, по крайней мере, звонить почаще. Просто... – Он замолчал.

– Да я все понимаю, – ответила Моника. – Но все мы очень любили тебя, Иен. Я очень надеялась, что ты меня не забудешь. Естественно, ты не должен приезжать ко мне только из чувства долга.

– Дело не в долге, – откровенно ответил он. – Просто не хочется, чтобы Софи думала, будто я рыщу вокруг, словно бродячий пес, и надеюсь, что меня... снова примут в круг семьи.

– У вас с Софи есть дочь, – решительно возразила Моника. – Какие бы разногласия между вами ни были, Милли имеет право видеть обоих родителей!

– Милли пишет мне примерно раз в две недели, – сообщил Картер. – Но о матери почти ничего не сообщает. Она прекрасно понимает, что в наших отношениях образовалась трещина, которую уже не склеишь... Девочке тяжело. Ведь ей всего десять лет!

– Ничего, привыкнет, – улыбнулась Моника. – Дети – они такие. Быстро ко всему приспособляются.

– Но, как я ни стараюсь – и я знаю, что Софи тоже старается, – Милли приходится плачливаться за то, в чем она совершенно не виновата.

Тетка бросила на него пронизательный взгляд:

– Иен, в конечном счете за все всегда приходится платить. Даже у счастья есть своя цена.

– Мне просто не хочется, чтобы Милли обижалась на нас с Софи за то, что мы сделали, – я имею в виду развод. – Ему не хотелось выдавать свои чувства, хотя он подозревал, что тетка знает, как он несчастен. Ничего хорошего из этого не получится.

– Если и так, значит, вам с Софи придется смириться и постараться сделать что можно. Иен, бесполезно упрекать себя в том, что ты все равно не в силах изменить. Надо жить дальше и стараться выйти победителем из новых обстоятельств.

Она щедро плеснула им обоим хереса из бутылки, стоящей на старинном серебряном подносе. Моника Фаррел не относилась к числу тех, кто держит предметы старины за стеклом и ежедневно сдувает с них пылинки. Она предпочитала всему находить свое применение.

– Ты так странно говорил по телефону... Мне стало любопытно, отчего вдруг ты вспомнил обо мне и решил меня навестить! – Моника протянула ему бокал с хересом.

– Надеялся, что вы позволите пригласить вас куда-нибудь поужинать, – робко ответил Картер.

– Я после шести вечера не ем, – решительно ответила Моника. – Тебе бы следовало помнить! У меня нелады с пищеварением. Твое здоровье!

Видимо, херес на ее пищеварение влиял неплохо. Картер наблюдал за тем, как тетка его бывшей жены смакует вино.

– Я за рулем, – слабо возразил он.

– Сколько ты сегодня уже выпил?

– Спиртного? Нисколько.

– Тогда бокальчик хереса не повредит.

Он вежливо отпил маленький глоток, а потом незаметно огляделся, ища взглядом цветочный горшок или другую емкость, куда можно будет вылить остатки, когда хозяйка отвернется.

– Иен! – громко воскликнула Моника. – Ты похож на маленького мальчика, которого застукали, когда он запустил руку в банку с вареньем!

Она не сводила с него прямого взгляда, чем чрезвычайно смущала суперинтендента. Картер вспомнил, что с Моникой всегда лучше было говорить напрямую, и поставил на стол бокал.

– Я и правда приехал не только для того, чтобы повидать вас, – признался он. – Конечно, мы давно не виделись, и мне хотелось извиниться за то, что не навестил вас раньше. Я пока

обживаюсь в новом доме... – Он услышал себя как будто со стороны, услышал свой робкий голос и выругался про себя. – Понимаю, это слабое оправдание!

– Как думаешь, тебе здесь понравится? – спросила она.

– Да, – кивнул Картер.

– Итак, я вся внимание...

– Мы расследуем одно происшествие, которое случилось сегодня утром.

– Когда вы, полицейские, говорите «происшествие», – заметила Моника, – это может означать что угодно. Продолжай, Иен! Я больше не буду тебя перебивать.

– Хорошо... Итак, речь идет о смерти при подозрительных обстоятельствах. Труп нашли в доме человека, которого вы, возможно, знаете. Вы ведь живете здесь почти всю жизнь. Софи всегда говорила, что вы всех знаете... – Он осекся.

– Наверное, Софи говорила, что я сую нос в чужие дела, – заметила Моника, хотя обещала не перебивать. – Что ж, когда-то я действительно знала всех и вся, хотя в последнее время я почти никуда не выхожу. Но в прежние времена... да, в деревне новости распространяются быстро. И потом, не забывай, что я больше двадцати лет преподавала в здешней начальной школе! Учительница в самом деле знает все семейные тайны! – Она заметно помрачнела. – В здании бывшей школы теперь частный дом; его перестроили и отремонтировали до неузнаваемости. Там поселилась жуткая парочка. Горожане, которые не могут справиться с собственными псами! Муж – застройщик; судя по всему, бывшая школа – образец того, на что он способен.

– Вы подавали жалобу насчет собак? Если да, то ненадлежащее обращение с животными... – механически отреагировал Картер-полицейский.

– Они гоняют моих котов! – пылко пояснила Моника.

– А-а-а... – Картер повернул голову и встретился с презрительным взглядом рыжего кота. Ему показалось, что он понимает, почему при виде рыжего кота любой уважающий себя пес приходит в бешенство.

– Конечно, я жаловалась. Только не в полицию. У нас здесь больше нет полицейского участка, как и школы, и почты. Нет, я жаловалась самому Хеммингсу, владельцу, и его женушке, крашеной блондинке. Они заявили, чтобы я держала котов в доме! Но как можно не выпускать гулять кота? – Моника отпила изрядный глоток хереса, чтобы успокоить нервы.

– Верно, – согласился Картер. – Кошки по природе своей любят бродяжничать, и потом, закон не предъявляет к владельцам кошек таких же строгих требований, как к владельцам собак.

– Вот именно! То же самое я сказала проклятому Хеммингсу. Мы даже поссорились из-за этого.

Споры между соседями иногда принимают дурной оборот, особенно в маленьких общинах. Ситуация обоится еще больше, если одна из враждующих сторон живет в тех или иных краях давно, а другая сторона – недавно приехала. Картер мысленно велел себе все проверить.

– И все-таки вряд ли ты приехал ко мне из-за Хеммингсов, – с сожалением подытожила Моника. – Хотя я не удивлюсь, если полиция нагрянет к нему с обыском. У него очень вороватый взгляд! И жена его не лучше, и его друзья. Иен, говори же, кто тебя интересует?

– Знаете ли вы семейство по фамилии Бикерстаф?

Моника громко расхохоталась:

– Бикерстаф? Ну конечно знаю, точнее, знала. В наших краях остался лишь один из них... если, конечно, старый Монти еще жив. Я не слышала, чтобы он умер. – Она нахмурилась. – Смерть при подозрительных обстоятельствах? Уж не хочешь ли ты сказать, что Монти умер?

Картер покачал головой:

– Нет, хотя труп найден в его доме.

– В «Балаклав»?

– Вот именно. По словам мистера Монтэгу Бикерстафа, он обнаружил покойника, когда вернулся из города. Он уверяет, будто не знает его.

– Старый Монти нашел у себя дома жмурика? – Моника залпом осушила бокал. – Так-так-так! Когда я видела его в последний раз, а было это довольно давно, он наполовину выжил из ума. Боюсь, от такой находки у него крыша совсем съедет!

– Да нет, он, похоже, неплохо справляется. Пока, на время следствия, он поживет у своей родственницы – не то родной, не то двоюродной племянницы... Ее зовут Бриджет Харвелл.

– Значит, у нее теперь такая фамилия? – оживилась Моника. – Я слышала, она снова вышла замуж.

– И видимо, недавно она снова развелась. А сейчас собирается замуж в четвертый раз.

– Ну надо же! Бриджет Бикерстаф была хорошенькая. Ты прав, она ему не родная племянница. Ее отец, Гарри Бикерстаф, доводился Монти двоюродным братом. Но семья Гарри никогда не жила в «Балаклав», хотя они часто приезжали погостить. Конечно, гости приезжали до того, как Пенни Бикерстаф собрала свои вещички и уехала. Значит, ты хочешь узнать о Бикерстафах? Тебе никогда не доводилось пробовать бикерстафовский кекс с сухофруктами и цукатами?

Выражение лица Картера было достаточно красноречивым.

– Значит, не доводилось. Ну да, ты ведь еще молодой. Тебе повезло! Такой кекс – кошмар моего детства. Мама всегда покупала мне его по воскресеньям, к чаю. Представь себе толстый ломоть липкого кекса, утыканный сухофруктами, которые застревают в зубах! На вкус он был скорее горьким, чем сладким, и камнем ложился в желудок. Но история этого кекса более или менее связана с историей семьи. Кстати, должна признаться, что с Пенни, женой Монти, я была знакома ближе, чем с самим Монти. Он всю жизнь был необщительным и замкнутым. Не знаю, почему Пенни так долго его терпела! Но потом и она не выдержала. Может быть, решила, что зря потратила на этого дурня лучшие годы своей жизни и остаток дней своих вполне может провести в мире и покое. Купила себе квартирку в Челтнеме, а Монти бросила вариться в собственном соку в его мрачном особняке.

– Она еще жива? – оживился Картер.

Моника покачала головой:

– К сожалению, нет. Умерла года четыре назад. Не очень-то долго ей довелось наслаждаться свободой. Грустно! Я была на ее похоронах. Представь себе, негодяй Монти не соизволил туда поехать! Остальные члены семьи, конечно, явились. Во всяком случае, Бриджет я видела в церкви. Не помню, какая у нее тогда была фамилия... – Моника сдвинула брови. – Сейчас вспомню. С отцом Танзи, Питерсоном, она к тому времени давно развелась. Питерсон был ее первым мужем. И с тем, за кого она вышла после Питерсона, она тоже развелась. Хоть убей, не вспомню фамилию ее второго мужа, хотя какое это имеет значение? Бриджет прожила с ним совсем недолго. Да, конечно, она была еще замужем за Фредди Харвеллом, мужем номер три. Харвелл точно был на похоронах; от него разило перегаром на всю церковь. Более того, даже Питерсон прилетел с острова Джерси, где он, по-моему, укрывается от налогов. Довольно странную картину они собой являли! Бриджет сидела на скамье между двумя мужьями. И Танзи, ее дочка от Питерсона, тоже приехала на похороны Пенни. Тогда она была еще совсем девочка... лет четырнадцати или пятнадцати. Теперь-то она уже, наверное, совсем взрослая, ей лет девятнадцать – двадцать... Наверное, Питерсон приехал больше ради того, чтобы повидаться с дочкой, а не попрощаться с Пенни. В общем, собралась вся родня, кроме Монти.

– У Монти и Пенни были дети?

Моника покачала головой:

– Нет. Наверное, с Пенни и одного Монти хватало. Он ведь и сам как ребенок. Только не подумай, что он слабоумный. Он всегда хорошо учился и мог бы далеко пойти. Просто он

не мог ни на чем остановиться. Любил мечтать и увлекался всем, что вызывало его интерес. Пенни часто понятия не имела, где Монти шляется и когда вернется домой. Наверное, свою роль сыграла и фамилия Бикерстаф... Сейчас я все объясню.

Моника сдвинула брови, собираясь с мыслями. Картер подумал: наверное, с таким видом она обращалась к своим ученикам в начальной школе.

– Все началось в тридцатых годах девятнадцатого века, когда один предприимчивый пекарь по имени Джосая Бикерстаф понял, что его печенье пользуется спросом, и начал выпекать его большими партиями. К середине века дело расширилось; помимо печенья, Бикерстафы делали и другую выпечку. Во время Крымской войны им удалось получить подряд на снабжение армии сухарями и галетами. На волне успеха сын Джосаи построил «Балаклаву»... Полоса удач продолжалась. Бикерстафы начали выпекать свой знаменитый кекс с сухофруктами. Поскольку в тесто не входили яйца, кексы довольно долго хранились. Их запечатывали в жестяные коробки с фальшивым гербом на крышке и рассылали в самые отдаленные уголки земного шара. Бикерстафы уверяли, что их кекс можно попробовать в любом месте Британской империи. Все, от консула до скромного клерка, нежились под тропическим солнышком и пили чай с бикерстафовским кексом... Фирма завоевала настоящую славу! – Моника хихикнула. – Кекс назывался «Вкус Британии». Он пользовался устойчивым спросом вплоть до Второй мировой войны. В войну производство пришлось свернуть, потому что не удавалось достать все нужные ингредиенты. После войны Бикерстафы попробовали было снова выпекать свои знаменитые кексы, но вкусы изменились, да и империя таяла на глазах. И вот, когда казалось, что впереди семью не ждет ничего хорошего, им вдруг снова повезло. Торговой маркой «Бикерстаф» заинтересовалась одна крупная транснациональная компания со штаб-квартирой в Америке. Им очень хотелось приобрести старинную и почтенную торговую марку, под которой много лет выпускались разные виды печенья и кексов. Акции фирмы по-прежнему распределялись только между членами семьи. Кажется, условия сделки оказались для них весьма выгодными. Даже Монти разбогател, хотя тогда он еще учился в школе, потому что от деда ему достался довольно большой пакет акций. До того они едва сводили концы с концами и вдруг снова разбогатели! Конечно, вырученных денег не хватило надолго. Вскоре умер отец Монти. Деньги, свалившиеся на них с неба, съела инфляция. Кроме того, им приходилось много тратить на содержание их огромного дома...

– Значит, Монти – последний Бикерстаф? – спросил Картер.

Моника кивнула:

– Насколько мне известно, он – единственный прямой потомок. Есть и другие родственники, но все они женщины, как Бриджет, и в браке взяли другие фамилии. По-моему, Монти сейчас лет семьдесят шесть. После прохождения обязательной военной службы он недолго работал чертежником. Но и там не удержался. Наверное, он до сих пор получает небольшой доход от остатков тех денег. Неплохая прибавка к пенсии!

– Спасибо, Моника, – сказал Картер. – Вы мне очень помогли.

– Не знаю как, – ответила она. – С Монти я никогда особенно не дружила, но мне все равно его жаль. Представляю, как старик испугался! Значит, ты расследуешь дело?

– Я осуществляю общее руководство, а дело ведет Джесс Кемпбелл, инспектор Кемпбелл.

– Думаешь, она докопается до сути? – Моника устремила на него проницательный взгляд.

– Да... во всяком случае, надеюсь. Я работаю с инспектором Кемпбелл недолго, но уже убедился в том, что она очень дотошна! Уж она не оставит камня на камне, пока не докопается!

Он думал последними словами успокоить Моника, но она как будто восприняла их вполне серьезно.

– Тогда передай инспектору Кемпбелл, пусть будет осторожна, – тихо посоветовала она. – Стоит начать переворачивать камни, и трудно остановиться. А у Бикерстафов... никогда не знаешь, что выползет из-под камней.

Когда он приехал в Уэстон-Сент-Эмброуз, только начинало вечереть, но за то время, что он просидел у Моники, наступила ночь. Выйдя на крыльцо, Картер увидел, что во всех соседних домах горит свет. Он сел в машину и, помахав тетке на прощание, медленно поехал прочь. В зеркало заднего вида он увидел, как Моника входит в дом. Оба кота, рыжий и черный, увивались вокруг ее ног. Он понадеялся, что она не споткнется о них. Надо будет еще как-нибудь навестить ее. Приехать с настоящим дружеским визитом, как положено, а не ради нужных сведений.

Моника угостила его чаем и сухим печеньем с коринкой – по ее словам, оно называлось «Шрусбери». Потом речь зашла о Софи, о том, чем она сейчас занимается. Так он и знал. Это было неизбежно. Но и делать вид, будто Софи не существует, как-то нелепо. Моника Фаррел, как всегда, подошла к вопросу просто и прямо.

– Ну, а ты как поживаешь, Иен? Нет, я не о работе и не о твоём новом доме. Я имею в виду – как ты управляешься один?

– Кажется, неплохо, – медленно ответил Картер, старательно подбирая слова. – Странно, конечно, после стольких лет брака снова вести холостяцкую жизнь. Я ведь не очень умею заниматься домашними делами. Сейчас вот учусь готовить методом проб и ошибок.

– Подходящей невесты на горизонте нет?

– Пока нет. И вот еще к какой мысли я с трудом привыкаю... Мне придется снова учиться ухаживать, ходить на свидания. А я ведь еще и не пробовал. Нет, спасибо, я больше не хочу печенья.

– Я не настаиваю, – улыбнулась Моника. – Об него можно зубы сломать, верно? Не я его пекла. В нашем приходе было собрание по сбору средств на ремонт церкви. Печенье принесла одна из прихожанок.

Картер криво улыбнулся:

– Еще раз извините, что не навестил вас сразу, как перебрался в эти края. Какой я безответственный!

– Да я знала, что ты приедешь рано или поздно, когда тебе захочется, – добродушно ответила Моника. – А теперь у тебя появился подходящий предлог: старый Монти нашел у себя в гостиной труп... даже если ты не искал предлога. Развод тебе дался тяжело, я все понимаю. И все-таки рада видеть, что ты не упал духом. Вот что самое главное, Иен. Ты готов жить дальше; может быть, ты еще не восстановил былую форму, но каркас на месте. Тебе предстоит учиться жить без Софи. Не знаю, порадуют ли тебя мои слова, но я болею за тебя со стороны! – Она неожиданно широко улыбнулась, отчего Картер рассмеялся.

Сидя в машине, он твердил себе: Моника совершенно права. Пора начинать жизнь сначала. Ты приехал сюда, чтобы начать сначала, так начинай! Но невозможно не оглядываться назад, на прожитые годы, проезжая по Уэстон-Сент-Эмброуз. Он невольно вспомнил слова Моники о семейных тайнах и о том, что в таких деревнях каждый знает, что творится у соседей.

Он медленно ехал по узким, извилистым улочкам, замечая перемены, о которых тоже упоминала Моника. На месте почты устроили ресторанчик, который, вполне логично, назвали «Старой почтой». А вот и паб, который пока еще функционирует, но сильно переменился внешне. Его постарались «облагородить». А вот бывшая школа, где Моника Фаррел провела значительную часть своей жизни. Картер притормозил и стал рассматривать здание. Кстати, он вспомнил, что Моника поссорилась с его теперешними обитателями.

Бывшая школа стояла напротив старой церкви Святого Амвросия, которая пришла почти в полное запустение. Судя по стилю, школу выстроили в конце Викторианской эпохи. Возможно, своим появлением она была обязана принятому в 1870 году правительством Гладстона Законом об образовании. Тогда в деревне, наверное, было много ребятишек, и все классы оказались заняты. За прошедшие годы количество живущих здесь молодых семей сильно сокра-

тилось. Молодежь уезжает отсюда, потому что здесь не найти приличной работы, да и с жильем трудно. Но здешние дома не пустуют: их покупают богатые горожане, чтобы было куда поехать на выходные. Итак, начальную школу закрыли, здание продали, а новые владельцы его перестроили. Кстати, внушительный получился домик! Картер взгляделся в бывшую школу. Наверное, новые хозяева вложили в ремонт целое состояние. Позади и сбоку дома угадывался сад; деревья и кусты в сумерках казались темнее, а палисадник, бывший школьный двор, где когда-то носились малыши, замостили кирпичом, чтобы было где ставить машины... Сегодня все пространство у дома оказалось занято. Картер решил, что у хозяев гости. Из окон первого этажа лился свет, за шторами мелькали фигуры. Гости с бокалами в руках переходили из комнаты в комнату. Видимо, вечеринка только набирала обороты. В углу Картер заметил фургон с надписью «Банкетное обслуживание на дому – ужинай со вкусом!». Похоже, скоро гостей позовут к столу... Тут Картер понял, что проголодался.

Неожиданно парадная дверь распахнулась настежь, и в дверном проеме показалась женщина. Она поспешно побежала к его машине.

– Джей! – закричала она. – Мы уж думали, ты не приедешь! Что случилось? Почему ты...

Голос ее оборвался, и она остановилась почти у самой машины, поняв, что перед ней не тот, кого она ждала.

Картер смутился и обругал себя за невоспитанность. Неприлично сидеть возле дома и глазеть на него. Он видел внутри гостей, значит, и из дома его могли заметить. Точнее, кто-то увидел, что напротив стоит машина. Он опустил окошко и включил свет в салоне, чтобы женщина разглядела его получше.

– А! – воскликнула она. – Вы не Джей. У него такая же машина... Я подумала... – встревоженно затараторила она. И тут в ее неуверенном взгляде появилась враждебность. Еще секунда – и она спросит, что ему здесь надо и почему он следит за их домом.

– Простите меня, – сказал Картер. – Я просто навещал свою приятельницу, миссис Фаррел. Она живет в конце улицы, рядом с церковью. Раньше, когда здесь была школа, она работала учительницей. Она сказала, что теперь это частный дом, мне стало любопытно, вот я и остановился посмотреть.

– А, Моника... – протянула женщина, постепенно успокаиваясь. – Да, точно, она бывшая учительница. То и дело напоминает об этом.

Она все еще не доверяла ему и пристально смотрела, словно стараясь запомнить его внешность. Наверное, для того, чтобы описать его в полиции, если понадобится, подумал Картер. Владельцы дома – люди состоятельные; незнакомца, который почему-то следит за их домом, на всякий случай лучше запомнить. Зато и он получше разглядел хозяйку. Она оказалась перезрелой блондинкой – на вид ей можно было дать лет сорок с небольшим. Фигура начала расплываться, но она еще сохранила остатки былой красоты. Картер обратил внимание, что хозяйка дома питает пристрастие к крупным драгоценностям. В ушах у нее покачивались огромные серьги, похожие на люстры. В свете его фар они переливались, как игрушки на рождественской елке.

– Ничего... – начал он, но его перебили.

Из дома вышел приземистый, плотный мужчина и вразвалку зашагал к ним.

– Терри! Что ты здесь делаешь? Гости проголодались, и официанты спрашивают, когда подавать на стол. Кто этот тип? – Он сердито воззрился на Картера.

– Я как раз объяснял вашей жене, – ответил Картер, жалея, что не проехал мимо. Дело все больше запутывалось. – Вот. – Он полез в нагрудный карман за своим удостоверением. – Я не подозрительный незнакомец, а сотрудник полиции...

Стало только хуже.

– Полиции? – взвизгнула Терри, отскакивая назад, как будто он сказал, что он – старуха с косой. – Билли, я приняла его за Джея! У него «лексус» совсем как у Джея...

Картер торопливо начал объяснять, что навещал миссис Фаррел, но закончить ему не позволили.

Мужчина – очевидно, Билли Хеммингс – побагровел от ярости:

– Что?! Старая кошелка наступала на нас в полицию? Небось опять из-за своих дурацких котов!

– Нет, – терпеливо ответил Картер. – Я навещал Монику Фаррел просто по-дружески. Она моя дальняя родственница.

– А-а-а... – Хеммингс ему явно не поверил. – Значит, она не жаловалась на наших собак? – ехидно осведомился он.

– Собственно говоря... да, жаловалась, – кивнул Картер. – Но только вскользь...

– Пусть держит своих поганных котов в доме!

– Мы не виноваты! – захныкала Терри. – У нас славные собачки, но ведь они... в конце концов, собаки есть собаки! Собаки всегда гоняют кошек, верно? Это у них в крови. Против природы не пойдешь, верно?

Картер понял, что с него хватит.

– Где ваши собаки сейчас? – спросил он. Ему, правда, было все равно, но, если у Хеммингсов гости, собаки должны были страшно шуметь и лаять.

– Заперты в вольере за домом, – отрезал Хеммингс, – до тех пор, пока гости не разъедутся! Мои собаки гоняют ее шелудивых котов только потому, что коты забредают на наш участок!

– Закон не запрещает кошкам бродить по соседним участкам, – возразил Картер. – Но странно, что коты заходят к вам, раз ваши собаки не на привязи.

– Наверное, она нажаловалась вам про тот раз, когда я выгуливала Бенджи и Рекса на церковном дворе, – ответила Терри. – Ну да, собачки бросились на ее паршивых котов, которые справляли нужду прямо среди могил...

– Терри, заткнись! – отрывисто приказал ее благоверный.

Терри заткнулась.

– Вас ждут гости, – сказал Картер. – Не смею вас больше задерживать. Спокойной ночи! – Он выключил свет в салоне и нажал кнопку стеклоподъемника.

Хеммингсы смотрели ему вслед.

– Так-так-так... – негромко произнес Картер, возвращаясь по извилистым улочкам в центр городка. – Не удивлюсь, если досье на друга Хеммингса имеется в полицейской базе данных! Кого-кого, а жулика я способен узнать с первого взгляда! Моника – проницательная старушка. Она назвала Хеммингса «вороватым». Интересно, Билли, откуда у тебя деньги на покупку старой школы и шикарные развлечения?

В голову пришла неожиданная мысль. Куда в самом деле подевался запоздавший гость по имени Джей, который тоже водит «лексус»?

– Возможно ли такое совпадение? – задумчиво спросил себя Картер и покачал головой.

Нет, не может быть!

Глава 5

– Он не псих, – решительно заявила Джесс. – Просто не такой, как все.

– И насколько я понял, не любит мыться, – заметил Иен Картер.

– Да, но, возможно, в этом он не виноват – не совсем виноват. Он живет на первом этаже «Балаклавы». Нормальной ванной комнаты внизу нет, только чулан, куда установили унитаз... кстати, очень старый. Если я не ошибаюсь, такие делали еще в Викторианскую эпоху. На крышке типичный ивовый узор, синий на белом фоне. В ваннх наверху все затянуто паутиной, а краны заржавели. Наверх Монти не поднимается. У него болят колени. По его словам, он «ополаскивается» в кухне, а ванну и душ не принимал много лет. Грязь, можно сказать, приросла к нему. – Джесс сокрушенно улыбнулась.

– Очаровательно! – воскликнул Картер. – Неужели нельзя было пристроить ванную на первом этаже?

– Тогда пришлось бы терпеть постоянное присутствие рабочих, чего Монти не хочет, – ответила Джесс. – И потом, дом нравится ему таким, какой он есть. Насколько я поняла, он противник всякой модернизации.

– Похоже, вы питаете к нему слабость, – с подозрением заметил суперинтендент.

– Как бы я к нему ни относилась, на мою работу это не повлияет.

– Вот и хорошо!

Джесс старалась не показывать своего раздражения. Она даже отвернулась, чтобы Картер не видел ее лица, и посмотрела в окно. Утро было в разгаре; все предвещало теплый день конца лета. На завтра метеорологи предсказывали дождь, но сейчас на небе не было видно ни облачка. Правда, им, сотрудникам полиции, сухая погода только во вред. В сухую погоду невозможно найти на дороге ни отпечатков протекторов, ни следов ног; неподалеку от «Балаклавы» они заметили лишь старые борозды с вывороченными комьями сухой грязи. Скорее всего, там проезжал трактор соседей Снеддонов.

Она повернулась к начальнику. Они понемногу начинали привыкать друг к другу. Картер даже называл ее по имени, если рядом больше никого не было. Если он обращался к ней по званию, значит, на что-то сердился или досадовал, и не всегда это имело отношение к ней. Картер не принадлежал к типу вечно недовольных начальников. Он не дышал в затылок подчиненным, напротив, позволял прийти к выводу, что ты все сделал правильно. Пока Джесс все делала правильно. Но Картер ждал от нее успехов, и она надеялась, что сегодня ей удастся хоть что-то выяснить.

Суперинтендент по-прежнему считался здесь новичком; по правде говоря, сотрудники еще не совсем к нему привыкли. А Джесс думала, что он не из тех, к кому быстро «привыкаешь». У Картера часто бывает задумчивый вид, как будто он над чем-то размышляет, но он не спешит делиться своими мыслями с окружающими... Зато он обладал свойством вызывать других на откровенность. Собеседники охотно открывали ему то, чем вовсе не собирались делиться. Раскусив его, Джесс решила держаться настороже и стараться говорить в его присутствии как можно меньше... Возможно, Картер обо всем догадался. И сегодня утром преподнес ей очередной сюрприз. Оказывается, он успел выяснить всю подноготную Монти Бикерстафа! Только что он пересказал ей то, что узнал во время вчерашнего визита к миссис Фаррел.

Джесс понимала, что Картер прав, предупреждая ее насчет «слабости» к Монти. Ей уже сейчас хотелось за щитить старика, а отсюда всего один шаг до предвзятого отношения. Ее раздражало, что Картер рассказывает ей историю семьи Бикерстаф, а не наоборот. Как она поняла, предки Монти нажили состояние на каких-то фруктовых кексах, но потом обеднели. Что ж, бывало, люди богатели и на более странных вещах. Но Джесс жалела, что не узнала все сама. Тогда она сейчас просвещала бы Картера. Правда, у нее бы не вышло и вполнину так

же хорошо, потому что у нее не было необходимых источников информации. А у него такой источник нашелся – местная старушка, настоящий кладезь ценных сведений. Ну кто бы мог подумать! Все считают Картера новичком, а у него, оказывается, здесь живет родственница – точнее, родственница его бывшей жены. Джесс знала, что Картер не женат, но предполагала, что раньше у него была постоянная спутница жизни или жена. Она также предполагала, как, впрочем, и все остальные, что совместная жизнь закончилась разрывом или разводом. Теперь она знает наверняка, что Картер разведен. Интересно, давно ли он развелся? И можно ли задавать ему вопросы о его жизни? Не потому ли он переехал на другой конец страны? Отдохнуть, начать все сначала... множество людей, очутившись в его положении, поступают именно так.

Детей у него, скорее всего, нет. Впрочем, Джесс ни в чем не была уверена.

Подняв глаза, она встретила с озадаченным взглядом Картера. А глаза его в зависимости от освещения казались либо карими, либо зелеными. Сегодня они были скорее карими. Ей стало не по себе; показалось, что Картер прочел ее мысли. «Нет, – сказала она себе, – просто я чувствую себя виноватой. А ну-ка, Джесс, возьми себя в руки!»

– Значит, вы считаете, что кто-то регулярно посещает спальню на втором этаже? – неожиданно сухо спросил суперинтендент, как будто тоже отмахивался от каких-то нежелательных мыслей. Он нахмурился и побарабанил пальцами по столешнице. – Очень странно! Бикерстаф вам ничего не говорил? Вы уверены, что он там не спит?

– Совершенно уверена. Я же вам говорила... – Она торопливо поправилась: – Я как раз начала объяснять, что он не поднимается на второй этаж. Я видела, что он соорудил себе нечто вроде постели из шезлонга в углу гостиной. Должно быть, там он и обитает постоянно. Но до того, как ту спальню на втором этаже увидели мы с Муртоном, там кто-то побывал, проветрил, навел порядок... Спальней определенно пользуются. Там совсем другая атмосфера, чем во всем доме. Там не так душно, как в остальных комнатах; недавно там открывали окна. Комната выглядит жилой. Но эксперты не обнаружили там никаких отпечатков.

– Так хорошо прибрали? – буркнул Картер.

– Да, все начищено до блеска. Что наводит на определенные мысли. На кровати лежит одеяло. Пока не знаем, удастся ли найти на нем следы ДНК. Одеяло совершенно не вяжется с остальными вещами в доме. Очевидно, его принес тот, кто посещает ту комнату. Никому из Бикерстафов и в голову бы не пришло купить синтетическое одеяло, к тому же ярко-розовое. Кстати, наверху есть бельевой шкаф; он набит старыми простынями и одеялами. Почему таинственные гости ничего оттуда не взяли? – Подумав, Джесс ответила на свой вопрос сама: – Потому что они не знали о запасах в бельевом шкафу. Кстати, я проверила содержимое шкафа. Одеяла все шерстяные; некоторые с ярлыками, судя по ним, их изготовили во время Второй мировой войны!

– Странно, что вы распознали период, – с улыбкой заметил Картер.

Джесс ошетижилась. Почему, собственно, она не может определить время изготовления одеял по ярлыкам?

– Мне уже доводилось видеть такие, – сухо ответила она. – Отделение «Женского института», в котором состоит моя мать, организовало выставку под названием «Домашний фронт». Чего только туда не несли! Люди основательно покопались в кладовках и на чердаках. Кто-то притащил даже противогаз. Некоторые семьи годами ничего не выбрасывают. По-моему, такими были и Бикерстафы. Даю руку на отсечение, они ничего не выбрасывали и не покупали ничего нового, если в том не возникало крайней нужды. Монти всю жизнь провел в «Балаклаве». Он унаследовал весь хлам, оставшийся от предков, и сам кое-что к нему добавил. Не знаю, кто бывал у него в спальне, но совершенно уверена, что Монти пребывает в блаженном неведении относительно комнаты и ее обитателей.

– Ну да, он утверждает, что наверх не поднимается. – Картер вздохнул. – Нельзя принимать на веру все, что он говорит. Возможно, время от времени он все же бродит по дому, просто

забыл, когда поднимался на второй этаж в последний раз. В конце концов, дом принадлежит ему. Возможно, он все же иногда гуляет по своим владениям?

– Если бы Монти вошел в комнату, он бы сразу заметил и запомнил на кровати ярко-розовое нейлоновое одеяло! – возразила Джесс.

Картер предостерегающе поднял руку:

– Возможно, вы правы. Просто, по-моему, то, о чем вы рассказали, очень странно. Правда, все знакомые Монти дружно называют его не совсем обычным человеком – пусть он и не псих, как вы изволили выразиться. Делать нечего, придется вам прямо спросить его о комнате на втором этаже и розовом одеяле. Что бы вы ни думали, возможно, он просто не хочет делиться сведениями, до которых, как он считает, нам нет никакого дела. Мне приходилось встречать немало людей вроде вашего Бикерстафа. Он нелюдим и вряд ли будет раскрывать душу перед вами или перед кем бы то ни было и поверять вам свои сокровенные мысли. Возможно, он думает: чем меньше он скажет полиции, тем скорее мы уберемся и оставим его в покое. Вам придется недвусмысленно дать ему понять, что дело обстоит как раз наоборот.

– Сегодня я собираюсь съездить к миссис Харвелл и побеседовать с Монти. Но действовать надо очень осторожно. Как лучше сообщить, что в его доме регулярно кто-то бывает? Не хочется его пугать, старик все-таки... – сказала Джесс отчетливо понимая, что производит впечатление упрямцы.

– Хорошо! Допустим, Монти понятия не имеет о том, что у него в доме регулярно кто-то бывает. Следующий вопрос такой: имеют ли незваные гости какое-то отношение к мертвецу в гостиной? И когда они успели так тщательно прибрать спальню на втором этаже? Если покойника в самом деле бросили на диване таинственные гости, им надо было успеть убратся из дому до того, как вернется Монти. Выходит, они разыскали где-то тряпки и щетки и потратили лишние полчаса на уборку? – Картер покачал головой и решительно ответил сам себе: – Нет. Не вижу в подобных действиях абсолютно никакого смысла.

На сей раз Джесс пришлось согласиться.

– Сержант Мортон считает, что в спальне на втором этаже кто-то встречается... Устраивает романтические свидания, – пояснила Джесс и неожиданно для себя смутилась. – Если бы туда повадились ходить наркоманы, они бы наверняка оставили после себя шприцы, иглы... Пьяницы оставляют бутылки и пивные банки. После школьников остаются пустые банки из-под сидра и обертки из-под сладостей. Неизвестные гости Монти не таскали с собой ни выпивки, ни наркотиков. Приходили без всего.

– Зачем же они тогда так старались прибрать – и вместе с тем оставили на кровати кричащее ярко-розовое одеяло? – возразил Картер.

– Не знаю... – Джесс задумалась. – Одеяло довольно объемное, если его сложить. Может быть, им неудобно было таскать его каждый раз туда-сюда? Ведь они явно бывали в комнате не один раз, регулярно открывали окна и проветривали... Я совершенно уверена, что они часто приходили в «Балаклаву».

– Если неизвестные голубки в самом деле устроили себе в «Балаклаве» любовное гнездышко, зачем им трудиться и стирать отовсюду свои отпечатки? Выходит, не настолько они были охвачены страстью, чтобы забыть о важных вещах. – Картер снова побарабанил по столу. – И все же одеяло говорит о некоторой уверенности. Они были уверены, что Монти не поднимется на второй этаж и не найдет его. Возможно, потому и решили встречаться в доме у старика, что точно знали: там их никто не потревожит. Выходит, им отлично известны привычки хозяина дома. И все же они тщательно стерли свои отпечатки... Почему?

Картер откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Какое-то время они с Джесс молча смотрели друг на друга. Потом суперинтендент поинтересовался:

– Где сержант Мортон?

– Поехал опрашивать соседей. Неподалеку от «Балаклавы» расположена небольшая сви-ноферма, где хозяйничает семья по фамилии Колли. Правда, ферму от «Балаклавы» не видно, потому что чуть дальше дорога делает крутой поворот. Зато запах просто сбивает с ног!

– Славные соседи, – заметил Картер.

– По-моему, запах Монти не беспокоит. Чуть дальше есть еще одна ферма, побольше. Она принадлежит некоему Питу Снеддону. На помощь семейства Колли я почти не рассчитываю. Такие люди, как они, даже если что-то знают, ни за что не признаются. Они не из тех, кто будет по доброй воле помогать представителям закона. Возможно, со Снеддоном Мортону повезет больше.

– Мне бы хотелось познакомиться с мистером Бикерстафом, – вдруг сказал Картер.

Джесс открыла было рот, собираясь возразить, но он ее опередил:

– Не волнуйтесь, я не собираюсь ехать с вами сегодня. Вас Бикерстаф уже знает. Если он увидит рядом с вами меня, незнакомого человека, он может замкнуться. Ничего, у меня еще будет повод в ближайшем будущем познакомиться с ним.

Пока Джесс беседовала с суперинтендентом Картером, Фил Мортон ехал на ферму Колли. Он остановился у ворот, ведущих в их владения. На воротах висело объявление, написанное от руки: «Осторожно, злые собаки». Вначале он решил оставить машину на дороге и идти дальше пешком, но предупреждение о собаках заставило его задуматься. Неразумно ходить по участку, где носятся злые псы. Он решил ехать дальше на машине. Сержант вытянул руку, собираясь распахнуть ворота, и тут же услышал заливистый лай. Очевидно, псы почуяли намерение чужака проникнуть на их территорию. Они подняли оглушительный шум, но их не было видно. Мортон остановился в нерешительности. Вдруг он увидел человеческую фигуру. Фигура ковыляла ему навстречу по тропе и остановилась по другую сторону ворот. Ею оказалась пожилая женщина, низкорослая, приземистая, почти квадратная. Жесткие седые волосы обрамляли обветренное лицо. Старуха стояла, широко расставив короткие ноги – очевидно, чтобы не упасть. На ней был темно-серый рабочий халат в цветочек размером с туристическую палатку на двоих. В руке она держала ведро.

– Вы кто такой? – спросила она. Мортон вздрогнул, услышав ее низкий, с хрипотцой, почти мужской голос. Судя по всему, дама с юности питает пристрастие к джину и крепкому табаку. Не дожидаясь ответа, она продолжала: – Полицейский, наверное, по тому делу в «Балаклавке». – Она ткнула грязным пальцем свободной руки в сторону дома Монти.

Мортон достал удостоверение, но старуха на него и не взглянула.

– Вы миссис Колли? – спросил Мортон.

– Одна из них, – был ответ. – Еще одна миссис Колли – моя невестка, Мэгги.

– Я бы хотел поговорить с вашими родственниками, – объяснил Мортон. – Они дома?

– Где-то здесь. Можете войти. Я вас провожу.

Мортон открыл ворота и с опаской посмотрел вперед.

Миссис Колли, не дожидаясь его, уже брела по тропе. На ходу она обернулась через плечо и успокоила его:

– Собаки в вольере.

Мортон зашагал за ней. Интересно взглянуть на место, которое Колли называют домом! Вот дорога сделала поворот, и Монти увидел жилье. Он удивился, поняв, что «дом» состоит из нескольких построек. Ну и мешанина! Всего понемногу... Хотя Мортон не слишком разбирался в архитектуре, он сразу понял, что разные части зданий возводились в разное время, а в некоторых случаях – и с разными целями. Самым маленьким и ближайшим к ним сооружением оказался собачий вольер. Он представлял собой большую клетку, сделанную из мелкой проволочной сетки, закрепленной на грубых деревянных шестах. Возможно, раньше здесь был курятник. В одном углу вольера стояла полуразвалившаяся будка; наверное, там псы укры-

ваются в непогоду. Самих собак оказалось три. Мортон сразу понял, что перед ним метисы овчарок. Крупные, сильные – едва ли таких надолго удержит проволочная сетка, если им захочется выбраться из вольера. Псы сгрудились вместе, прижали носы к проволоке и недружелюбно смотрели на него желтыми глазами. Вот ветерок подул с другой стороны, и Мортон сразу почуял запах свинарника. Видимо, стадо паслось совсем неподалеку. Он быстро отвернулся от вольера, вспомнив, что смотреть в глаза незнакомым собакам небезопасно: они могут расценить подобное действие как угрозу.

Он не очень обрадовался, увидев, что миссис Колли-старшая скрылась за дверью жилого дома, а его оставила в одиночестве. Первоначально здесь стоял типичный для здешних мест небольшой коттедж из камня медового цвета. Но с годами к нему все время что-то пристраивали. Кое-что из камня другого сорта, а в дальнем конце – деревянный навес. Слева Мортон увидел пустой кирпичный свинарник. Интересно, а где же его обитатели? Справа, за собачьим вольером, высилось строение совсем другого вида. Оно было больше, длиннее и выше прочих сооружений и сложено из кирпича довольно аккуратно. По фасаду кто-то, постаравшись, выложил причудливый орнамент из кирпичей другого цвета. На противоположной стороне устроили конюшню: Мортон увидел грязные оконца и двери в половину проема. На ближайшей к нему половине окон не было; зато дверной проем здесь прорубили высокий, в два этажа. Деревянные двери выглядели крепче, чем все здание; их явно повесили недавно. Из стены торчал ржавый ворот.

Мортон понял, что раньше в кирпичном строении помещались сеновал и конюшня. Теперь же сюда, скорее всего, сваливали всякий хлам. Интересно, что случилось со старыми дверьми? Может, их разобрали на доски и сколотили амбар или загон для поросят. Несмотря на запущенный вид, бывшая конюшня выглядит почище остальных построек. Ни дать ни взять пожилой, обтрепанный, но сохранивший чувство собственного достоинства бродяга «из благородных», которого посадили в камеру с обычными пьяницами и бомжами. Мортон невольно вспомнил Монти Бикерстафа.

Пока он осматривался, миссис Колли-старшая успела предупредить свой клан. И вот вся семья высыпала ему навстречу – кто-то из дома, кто-то с заднего двора. Они шагали дружно и замерли неподалеку, плечом к плечу. Все молчали; наверное, ждали, что гость первый начнет разговор.

Миссис Колли-старшая избавилась от своего ведра, но ее пальцы были скрючены, как будто она по-прежнему держала металлическую дужку. Рядом с ней в довольно воинственной позе стояла женщина лет сорока с одутловатым лицом, покрытом преждевременными морщинами, и расплывшейся фигурой. Жидкие, плохо покрашенные черные волосы она зачесала назад и стянула в конский хвост. Косметикой женщина не пользовалась, зато в ушах у нее болтались дутые золотые кольца, а голые предплечья украшали многочисленные татуировки. Не сводя с Мортонна настороженных черных глазок, она курила сигарету. Мортон решил, что это Мэгги, невестка, и не позавидовал ее мужу. Должно быть, странно просыпаться каждое утро и видеть рядом с собой на подушке такое вот чучело!

Счастливый супруг, приземистый бородач в грязных джинсах и стеганом жилете, надетом поверх клетчатой рубашки, стоял рядом с Мэгги. Представители молодого поколения держались сзади. Мортон узнал Гэри – парень настороженно скалился. Рядом с ним стояла пухлая блондинка в черных легинсах в обтяжку, которые вызывающе подчеркивали ее толстые ляжки и икры. Верхнюю часть туловища скрывала свободная туника. Наконец, из-за спины блондинки высовывалась маленькая девочка; она не мигая смотрела на незваного гостя. Мортон решил, что ей года три-четыре. Чумакая, лохматая девчушка была одета в розовые легинсы и ярко-красную майку. К груди она прижимала грязную мягкую игрушку – кажется, вспомнил Мортон, такие существа называются телепузиками. Правда, он не мог бы сказать, которого из них держит ребенок.

– Мистер Колли? – осведомился он, обращаясь к бородачу.

Тот вышел вперед и кивнул:

– Верно, я Дейв Колли. – Он ткнул пальцем в чучело с сигаретой: – Моя жена.

Мортон закрепил знакомство кивком. Супруга Дейва Колли не удостоила его ответом. Она продолжала молча курить, по-прежнему глядя на него исподлобья. Наверное, это было ее естественное выражение лица.

– С моей мамашей вы уже знакомы, – продолжал Дейв Колли. – Это мой сын Гэри. Кажется, с ним вы тоже встречались – вчера. А это моя дочь Трейси. Малышка – моя внучка, Кейти.

– Привет, Кейти! – обратился Мортон к девчушке, хотя никто из взрослых и глазом не моргнул.

– Пливет, – ответила малышка и громко шмыгнула носом, который вытерла телепузиком.

– Ну, и где мистер Монти? – спросил Дейв Колли. – Что вы сделали с несчастным стариком?

– Какое-то время он поживет у своих родственников, – ответил Мортон. – Меня интересует вчерашний день. Возможно, вы уже слышали, что вчера мистер Бикерстаф, вернувшись из города, куда он ходил за покупками, обнаружил у себя дома, в «Балаклав», мертвеца.

Колли не выразили никакого удивления. Мортон понял, что о покойнике им уже известно. Интересно, откуда? Вот еще один вопрос, требовавший ответа.

– Никто из нас ничего об этом не знает! – проворчала бабушка Колли. Она заняла оборонительную позицию: набычилась, ссутулив плечи. Может быть, решила, что Мортон, по какой-то непонятной причине, намерен броситься на нее и повалить на землю?

– Успокойся, мама, – бросил ей Дейв.

Но утихомирить ее оказалось не так-то просто.

– Старый мистер Монти тоже знать ничего не знает. Он не виноват, что ему подбросили эту страсть! Мало ли кто что найдет, нельзя же сразу людей виноватить! – Миссис Колли-старшая, видимо, разошлась не на шутку. Голос ее сорвался на крик.

Несколько мгновений Мортон и семейство Колли как бы не обращали на бабушку внимания. Казалось, между ними возникло даже чувство единения, но оно быстро улетучилось. Колли снова сплотились.

– Вы с мистером Бикерстафом давние соседи, – сказал Мортон, в глубине души не понимая, как можно терпеть рядом с собой людей вроде Колли.

– Верно, – кивнул Дейв. – Мой дед, старый Джек Колли, знал мистера Монти, когда тот еще пешком под стол ходил. Бикерстафы и Колли испокон веку живут рядом...

– И вы всегда разводили свиней?

– Ну да, точно, – кивнул бородач. – Здесь наша ферма, она переходит от отца к сыну.

– Ясно, – кивнул Мортон. – Вчера вы все были дома?

– Кто где. Вот Гэри ходил в город.

Мортон сомневался в том, что можно верить словам Дейва Колли. Жаль, что он ничего не может проверить. Вчера Гэри сказал инспектору, что шел в город. Возможно, отец просто покрывает его.

– Больше всего нас интересует, не видели ли вы поблизости неизвестных вам людей? А может, по дороге мимо вашей фермы проехала незнакомая машина?

Дейв покачал патлатой головой:

– Нет, мы никого не видели. У нас здесь почти всегда тихо.

– Вы тоже? – спросил Мортон, обводя взглядом семейство. Похоже, все Колли привыкли к тому, что Дейв говорит от их имени – разве что бабушка время от времени вставляет словечко.

– Никого мы не видели! – хором ответили остальные Колли.

– Ну, а ты, Кейти? – вдруг спросил Мортон, присаживаясь на корточки. Колли заволновались; наверное, не ожидали, что приехавший полицейский обратится к малышке. – Ты вчера здесь не видела чужих? Может, кто-то проходил мимо по дороге? Дядя, тетя или, может быть, несколько человек?

– Не-а, – ответила Кейти.

Мортон почувствовал, как ее родственники дружно испустили вздох облегчения.

– Сами видите, – сказал Дейв. – К нам надо сворачивать с дороги. Чтобы увидеть, кто идет или едет по Канаве Тоби, надо подойти к самым воротам!

В самом деле, подумал Мортон.

– Где свиньи? – спросил он.

Дейв поморгал глазами и, помолчав, ответил:

– Сейчас покажу. – Он повернулся и жестом поманил Мортон за собой.

Они зашагали на задний двор. Гэри поплелся за отцом и сержантом Мртоном. Остальные члены семьи вернулись в дом.

На заднем дворе характерный запах усилился. Вскоре сержант увидел довольно большое поле, на котором паслось стадо свиней. Они с довольным видом рыли землю пяточками. Сплошные свиньи, куда ни кинь взгляд! Видимо, в непогоду свиньи сидели в маленьких загонках из рифленого железа. Все животные выглядели здоровыми и упитанными. Видимо, о них заботились лучше, чем о жилом доме и хозяйственных постройках. Колли жили в самой настоящей развалюхе, зато их свиньи отлично набирали вес. Мортон решил, что иначе и быть не может, ведь продавали их по хорошей цене. На огороженном дальнем участке поля бок о бок паслись две лошади. Они стояли, повернувшись к свиньям задом, как будто не желали находиться рядом с теми, кого считали ниже себя.

Мортон решил для начала расспросить хозяев о свиньях.

– Какой они породы?

Гэри, который до сих пор молчал, подал голос:

– Крупные белые.

– Эту породу предпочитают мясники, – объяснил его отец. – Они мясистые, но не очень жирные. Мой старый дед, Джек Колли, бывало, не притрагивался к бекону, если там не было больше сала, но в наши дни вкусы изменились.

– Я и сам не очень люблю жирный бекон, – признался Мортон.

– Ну вот!.. – хором воскликнули отец и сын, качая головами.

– Значит, их легко выращивать? – спросил Мортон. Если Колли охотно говорят о разведении свиней, возможно, они потом разговаривают и на другие темы.

– Да не то чтобы трудно. Только летом за ними глаз да глаз. Они плохо переносят сильную жару. Бывает, и обгорают на солнце. – Заметив недоверчивый взгляд Мортон, который, очевидно, решил, что над ним насмеются, Дейв пояснил: – Кожа у них нежная, тонкая.

Мортон посмотрел на ближайшую свинью. Под белой щетиной просвечивала розовая кожа, в самом деле очень тонкая на вид.

– Значит, свиноводство – выгодное дело? – спросил он.

Оба Колли тут же дружно заговорили:

– Ничего себе выгодное! Чтобы хоть как-то заработать на хлеб, приходится вкалывать с утра до ночи! Но мы держимся на плаву.

Настала пора вернуть разговор к трупу, найденному в «Балаклаве».

– Понимаете ли, в чем трудность, – начал Мортон. – Вчера здесь обязательно должен был находиться чужак – или чужаки. Мы считаем, что кто-то внес мертвеца в дом. Возможно, в то время он еще не умер, но почти наверняка умирал и едва ли сумел бы пробраться в дом сам, без посторонней помощи.

– Ну да! – воскликнул Дейв Колли. – Так вот, никто из нас ничего не видел.

– Ничего, – подтвердил Гэри. – Я первый узнал кое-что, когда проходил мимо «Балалавы» по пути в город. Увидел констебля у калитки, а потом еще увидел, как бедного мистера Монти заталкивают в полицейскую машину.

– А потом вы пошли в город? Не повернули домой, чтобы сказать родным, что случилось? – Мортон не любил сдаваться.

– Я им позвонил, – ответил Гэри. – По мобильному. – Он достал из кармана трубку.

Мортон отметил, что у парня одна из последних моделей.

– Вот, смотрите. – Гэри расплылся в торжествующей улыбке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.